

Франческо Петрарка

КАНЦОНЬЕРЕ

Франческо Петрарка

Канцоньере

«Летний сад»

УДК 821.131.1-93-1
ББК 84(0)4-5

Петрарка Ф.

Канцоньере / Ф. Петрарка — «Летний сад»,

ISBN 978-5-98856-290-0

Предлагаемый читателю полный перевод «Канцоньере» сделан в 1985–86 гг. Книга также содержит комментарии, направленные на то, чтобы объяснить русскому читателю многочисленные отсылки исторического, мифологического, литературного характера. Намерение Алексея Бердникова состоит не в том чтобы поэтически перевоплотить оригинал, но в том, чтобы вернуть тексту дух Петрарки, передаваемый языком, характеризующимся приподнятостью. Перевод «Канцоньере» не семантический, поскольку образы оригинала сохранены, а верность переводу есть верность ритму, доказательством чего служит ход стиха.

УДК 821.131.1-93-1

ББК 84(0)4-5

ISBN 978-5-98856-290-0

© Петрарка Ф.

© Летний сад

Содержание

Предисловие переводчика	7
I. Voi ch'ascoltate in rime sparse il suono	11
II. Per fare una leggiadra sua vendetta	12
III. Era il giorno ch'al sol si scoloraro	13
IV. Que' ch'infinita provedentia et arte	14
V. Quando io movo i sospiri a chiamar voi	15
VI. Sí traviato è 'l folle mi' desio	16
VII. La gola e 'l sonno et l'otiose piume	17
VIII. A pie' de' colli ove la bella vesta	18
IX. Quando 'l pianeta che distingue l'ore	19
X. Gloriosa columna in cui s'appoggia	20
XI. Lassare il velo o per sole o per ombra	21
XII. Se la mia vita da l'aspro tormento	22
XIII. Quando fra l'altre donne ad ora ad ora	23
XIV. Occhi miei lassi, mentre ch'io vi giro	24
XV. Io mi rivolgo indietro a ciascun passo	25
XVI. Movesi il vecchierel canuto et bianco	26
XVII. Piovonmi amare lagrime dal viso	27
XVIII. Quand'io son tutto volto in quella parte	28
XIX. Son animali al mondo di sí altera	29
XX. Vergognando talor ch'ancor si taccia	30
XXI. Mille fiате o dolce mia guerrera	31
XXII. A qualunque animale alberga in terra	32
XXIII. Nel dolce tempo de la prima etade	33
XXIV. Se l'onorata fronde che prescrive	37
XXV. Amor piangeva et io con lui talvolta	38
XXVI. Piú di me lieta non si vede a terra	39
XXVII. Il successor di Carlo che la chioma	40
XXVIII. O aspectata in ciel beata et bella	41
XXIX. Verdi panni, sanguigni, oscuri o persi	44
XXX. Giovene donna sotto un verde lauro	46
XXXI. Questa anima gentil che si diparte	47
XXXII. Quanto piú m'avvicino al giorno estremo	48
XXXIII. Già fiammeggiava l'amorosa stella	49
XXXIV. Apollo, s'anchor vive il bel desio	50
XXXV. Solo e pensoso i piú deserti campi	51
XXXVI. S'io credesse per morte essere scarco	52
XXXVII. Sí è debile il filo a cuisattene	53
XXXVIII. Orso, e non furon mai fiumi né stagni	56
XXXIX. Io temo sí de' begli occhi l'assalto	57
XL. S'Amore o Morte non dà qualche stroppio	58
XLI. Quando dal proprio sito si remove	59
XLII. Ma poi che 'l dolce riso humile et piano	60
XLIII. Il figliuol di Latona avea già nove	61
XLIV. Que' che 'n Tessaglia ebbe le man sí pronte	62
XLV. Il mio adversario in cui veder solete	63

XLVI. L'oro et le perle e i fior' vermigli e i bianchi	64
XLVII. Io sentia dentr al cor già venir meno	65
XLVIII. Se mai foco per foco non si spense	66
XLIX. Perch'io t'abbia guardato di menzogna	67
L. Ne la stagion che 'l ciel rapido inchina	68
LI. Poco era ad appressarsi agli occhi miei	70
LII. Non al suo amante piú Diana piacque	71
LIII. Spirto gentil, che quelle membra reggi	72
LIV. Perch'al viso d'Amor portava insegna	75
LV. Quel foco ch'i' pensai che fosse spento	76
LVI. Se col cieco desir che 'l cor distrugge	77
LVII. Mie venture al venir son tarde et pigre	78
LVIII. La guancia che fu già piangendo stanca	79
LIX. Perché quel che mi trasse ad amar prima	80
LX. L'arbor gentil che forte amai molt'anni	81
LXI. Benedetto sia 'l giorno, e 'l mese, et l'anno	82
LXII. Padre del ciel, dopo i perduti giorni	83
LXIII. Volgendo gli occhi al mio novo colore	84
LXIV. Se voi poteste per turbati segni	85
LXV. Lasso, che mal accorto fui da prima	86
LXVI. L'aere gravato, et l'importuna nebbia	87
LXVII. Del mar Tirreno a la sinistra riva	88
LXVIII. L'aspetto sacro de la terra vostra	89
LXIX. Ben sapeva io che natural consiglio	90
LXX. Lasso me, che non so in qual parte pieghi	91
LXXI. Perché la vita è breve	93
LXXII. Gentil mia donna, i' veggio	96
LXXIII. Poi che per mio destino	98
LXXIV. Io son già stanco di pensar sí come	101
LXXV. I begli occhi ond'i' fui percosso in guisa	102
LXXVI. Amor con sue promesse lusingando	103
LXXVII. Per mirar Policleto a prova fiso	104
LXXVIII. Quando giunse a Simon l'alto concetto	105
LXXIX. S'al principio risponde il fine e 'l mezzo	106
LXXX. Chi è fermato di menar sua vita	107
LXXXI. Io son sí stanco sotto 'l fascio antico	108
LXXXII. Io non fu' d'amar voi lassato unquanco	109
LXXXIII. Se bianche non son prima ambe le tempie	110
LXXXIV. Occhi piangete: accompagnate il core	111
LXXXV. Io amai sempre, et amo forte anchora	112
LXXXVI. Io avrò sempre in odio la fenestra	113
LXXXVII. Sí tosto come aven che l'arco scocchi	114
LXXXVIII. Poi che mia speme è lunga a venir troppo	115
LXXXIX. Fuggendo la pregione ove Amor m'ebbe	116
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Франческо Петрарка

Канцоньере

© А. Бердников, перевод с итальянского, предисловие, примечания, 2017

© Giulia Baselica, *Comparatistica Annuario italiano*, 2004.

© Летний Сад, оформление, 2017

* * *

Предисловие переводчика

Франческо Петрарка (1304–1374) – первый поэт европейского Ренессанса, основатель гуманизма в его наиболее полном, дошедшем до наших дней виде, равно как первый человек Нового времени, зачинатель одной из великих литератур нашего континента, создатель итальянского языка – в этом он делит пальму первенства с Данте Алигьери. В апреле 1341 года Петрарка был коронован лавровым венком на Капитолийском холме в Риме, став таким образом первым европейским лауреатом в полном смысле слова. Увенчанию лавром способствовали: слава латинствующего эрудита и ритора, известность о замечательной, так и не обнародованной при жизни, пост-вергилианской поэме в латинских гекзаметрах «Африка».

На итальянском языке Петраркой написаны только лишь «Канцоньере» («Собрание песен») и «Триумфы» (связанный цикл из шести небольших поэм). Как именно получилось так, что как раз Канцоньере Петрарки явился той знаковой книгой, которая при самой строгой выборке собраний всех времен и народов – занимает несомненно первое место в широком списке и остается отобранной, сколь бы мы этот список ни ужимали? Фр. Де Санктис пишет: «Он достиг такой тонкости выразительных средств, при которой итальянский язык, стиль, стих, до него находившиеся в стадии непрерывного совершенствования и формирования, обрели устойчивую, окончательную форму, служившую образцом для последующих столетий. Язык итальянской поэзии поныне остается таким, каким его оставил нам Петрарка; никому не удалось превзойти его в искусстве стихосложения и стиля»¹.

Впрочем, сам Петрарка не без иронии обозначил «Канцоньере» как *Rerum vulgarium fragmenta*, что в переводе с латыни на русский язык можно представить как *Осколки на просторечии*. Есть два взаимоисключающих взгляда на жанровую принадлежность «Канцоньере»: его считают сборником стихов на случай, или же, напротив, логическим сюжетным построением (романом). Мы придерживаемся второй точки зрения.

И кто герои романа? Это лирические – герой и героиня. Он – Франческо Петрарка, несостоявшийся юрист в молодости, каноник, поэт, наделенный силой таланта и огромным честолюбием. Она – Лаура де Сад, мярянка, которая в апрельский день 1327 года и увлекла Петрарку в «новую жизнь», не менее очаровательную, нежели «вита нова» его предшественника – Данта. Следует, однако, отметить черты новизны по сравнению с Дантом. Дантова Беатриче предстает в «Новой Жизни» – чисто условной, канонической фигуркой – полудевочкой-полусвятой, чтобы затем явиться в Третьей Кантике «Божественной комедии» во всем могуществе своей чарующей небесной славы. Но в то же время Поэт, вершит над своею дамою огорчительную несправедливость, лишая ее женской славы, драгоценного для истории подъема и расцвета этого удивительного дара – дара женственности, который, является подлинным достоянием и маркировкой на земле всякого превозшедшего женского существа; прибегая к словарю Владимира Набокова, мы можем с отчаянием отметить, что куколка из «Новой Жизни» – не успела осушить вполне еще влажных крылышек мотылька, как была посажена на булавку, осчастливив собою гениальную коллекцию прочих летателей, а также гусениц и червяков, столь изобилующих в бессмертном творении Данта. Петрарка поступает ровно противоположным образом. Он ловит момент, когда его бабочка только что покинула кокон, и сразу же начинает с нею работать. Он заставляет свою Беатриче соучаствовать в разработке их совместного проекта по преобразованию, просветлению земного универсума с помощью конструируемого на месте никогда не коптящего светильника – чистой и некорыстной взаимополой любви.

«Канцоньере» (366 фрагментов) состоит из 317 сонетов, 29 канцон, 9 секстин, 7 баллад и 4 мадригалов.

¹ Фр. Де Санктис. История литературы Италии. Т.1. Средние века. ИМЛИ РАН. «Наследие», 2000. С. 449.

С Петраркой в России познакомились достаточно давно – в конце XVIII века, когда знаменитейший фрагмент Петрарки – 134 – *Pace non trovo... Ne обретаю мира...* – обретет, наконец, весьма верное отображение в стихах Ивана Крылова (1768–1844). На первый взгляд, Иван Крылов неоправданно поступился строгостью формы, удлинив строку и не соблюдая межкатрэнной рифмовки. Однако, эти «недостатки» с избытком компенсируются наличием особой поэтической ауры: обедненность рифмы как нельзя более соответствовала фонетическому строю тогдашних русских стихов. Сокровищницу русского петраркизма продолжают две державинские версии фрагментов 9 и 35. Их метр тот же, что и у Крылова, но катрены имеют между собой также и рифмовку. Именно эти переводные *pieces* наших самых талантливых стихотворцев поспособствовали более чуждым там ни было вовлечению молодой российской словесности в общий ансамбль европейских культурных феноменов. Именно тогда произошла живительная прививка к дереву русской культуры вообще, и поэзии в частности, той поэзии, где отразилась наиболее полно человеческая душа – то есть в любовной лирике.

Что последовало за двумя державинскими свершениями? Назовем имена самых смелых, самых удачливых. Это Иван Козлов (1779–1840) принесший нам в качестве двух незабвенных трофеев фрагменты 159 и 302. Константин Батюшков (1787–1855) – пишет, следуя по стопам Петрарки, небольшую поэму – *На смерть Лауры*, где в качестве точки отсчета им используется 269 фрагмент «Канцоньере», а также своеобразную параллельную разработку 50-го фрагмента, называя его – *Вечер*. Засим – Дмитрий Мин в строках шестистопного ямба являет нам весьма точный перевод фрагмента 61. Аполлон Майков (1821–1897) производит замечательный в своем роде стиховой пересказ фрагмента 346. Несколько слов об Александре Пушкине, переводов из Петрарки нам не оставившем, но неоднократно свидетельствовавшим о своем преклонении перед Италийским поэтом. В одном из трех написанных Пушкиным сонетов – *Суровый Дант...* – читаем – *В нем жар любви Петрарка изливал*, а потом уже – *Игру его любил творец Макбета*, конечно здесь соблюдена хронология, прежде всего – но не только. Явлена здесь также и иерархия на Парнасе – такой, какой она представлялась Пушкину.

Следующее поколение поэтов 1830-х – Лермонтов, Бенедиктов, Тютчев – меняет свою ориентацию на англо-германскую. Небо российского петраркизма понемногу затягивает всемогущий Байрон. Происходит смена мироощущения. Ренессансный полицентризм, также как и старославянское мирозерцание², ставившие женщину в независимую позицию от мужчины, сменяется романтическим мужским моноцентризмом. В лету канули канцоны, эклоги, оды, как жанры поэзии. На смену им пришли элегии, и сонетная форма отходит на периферию поэтического внимания. Вместе с культом женщины уходит в тень и поэзия Петрарки.

Медленно, слишком медленно, к концу XIX века происходит возврат петраркова светила на небосклон российских муз. Он возвращается к нам украдкой, как бы сам того не желая. Владимир Соловьев (1853–1900) – поэт и философ, переводит последний 366 фрагмент «Собрания песен», поразительно созвучный его философской системе. Соловьев подхватил перо Великого Италийца именно в тот момент, когда оно выпало из его пальцев.

Вячеслав Иванов (1866–1949) – имя одинаково дорогое для русского и для итальянского слуха – в 1915 году издает 33 перевода Петрарковых Сонетов – ставших сразу заметным явлением. Мы сознательно опускаем переводы Брюсова и Мандельштама, как не сделавшие литературной погоды в русской петраркистике.

Около середины века появляется сонетный корпус Шекспира, на точной (классической) рифме, в блистательных переводах Самуила Маршака, принятый на ура русской интеллигенцией, а изданный примерно в те же годы Петрарка в виде избранных фрагментов в переводе Абрама Эфроса прошел под знаком умолчания. И дело тут совсем не в *слабости* поэтики

² Старославянское мирозерцание можно проиллюстрировать на примере «Повести о Петре и деве Февронии»: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси. М.: Худож. лит., 1969. с. 454–463.

Эфроса и не в *силе* Маршака. Знак луны, под которой «не бродить уж нам ночами» (зачин стихотворения Байрона – в переводе Ю. Вронского) сгоняет знак солнца (Дева прекрасная, солнцем одетая... – зачин последней Петрарковой канцоны) с лирических российских подмоствок, окончательно отгесняя Петрарку на периферию интеллигентского сознания. Переводы Эфроса по сию пору не оценены по достоинству; как справедливо утверждает Н. Томашевский, «Как переводчик Петрарки, он шел за Вяч. Ивановым (споря лишь в толкованиях частностей).»³.

Одна из характерных особенностей переводческой школы Вяч. Иванова состояла в повышенном интересе к русско-славянской архаике. По нашему мнению, при обращении к Петрарке такой подход вполне оправдан. Даже беглый взгляд на подлинник немедленно отметит в нем в гуще италийского просторечия, если не прямые латинизмы, то лексику, находящуюся на полдороге от них к более позднему формальному воплощению (аналогично в русском: «длань» – «ладонь»). Тем не менее школе Вяч. Иванова можно поставить в минус то, что в его переводах совершенно отсутствуют «бытовизмы», также характерные для Петрарки. Столь же велик по объему и по значимости вклад Евгения Солоновича. Солонович, также как до него и Маршак в переводах Шекспира, строго придерживается среднего слоя официальной русской лексики. Мы не находим в ней ни следов высокого «штиля», ни прямых вульгаризмов.

Итак – подходим к парадоксальному итогу – девятнадцатый век в России беден петрарковыми строками, но зато – богат смысловыми влияниями на читательское сознание. В век двадцатый – Петрарка переведен на российскую мову практически весь, но вес его в этом самом сознании, сравнительно с Байроном и байронистами, достаточно ничтожен. Утрачено что-то, накопленное в веке девятнадцатом, что можно назвать глобальным видением Петрарки русской читающей публикой.

Предлагаемый читателю полный перевод «Канцоньере» сделан в 1985–86 гг. Работа в виде книги «На полях Петрарки» была отправлена в 2004 г., в юбилейный год Ф. Петрарки, в институт славистики в Турин. Рецензия на вышеупомянутую книгу пришла в виде статьи лингвиста Джулии Базелики в журнале «Компаратистика». Позволим себе дать некоторые выдержки из статьи⁴: «Если поэтический перевод представляет собою подлинное, эпическое предприятие – Роман Якобсон утверждал, что поэзия непереводаема по определению, поскольку все лингвистические элементы несут собственные значения, всякое фонетическое подобие воспринимается читателем как семантическое сближение и паронимия правит поэтическим языком – поистине Алексей Бердников, русский переводчик Петрарки, вырисовывается как своего рода странствующий рыцарь от литературы. Том, вышедший в год, посвященный празднествам в честь седьмого столетия со дня рождения Поэта, и опубликованный Бердниковым – поэтом, прозаиком, литературным критиком и переводчиком, помимо Петрарки, также Шекспира и Верлена, – содержит **первый полный перевод „Канцоньере“** и „Триумфов“, дополненный комментариями, направленными на то, чтобы объяснить русскому читателю многочисленные отсылки исторического, мифологического, литературного характера... <...> Намерение Алексея Бердникова состоит не в том чтобы поэтически перевоплотить и даже не в том, чтобы семантически перевыразить, но в том, чтобы возратить тексту дух Петрарки, передаваемый языком, характеризуемым приподнятостью (реджистро аулико). Так начало знаменитой канцоны CXXVI „*Chiare, fresche dolci acque, /ove le belle membra pose colei che sola a me par donna*“ в аккурат передано переводчиком не семантически. Первые строки Петрарки несут на себе в русском переводе образ, отмеченный большей телесностью, более ощутимой тяжестью: Ясный, свежий, сладкий ток, / в коий стан прекрасный / погружала та, что мне одна „она“. Петрарковы воды приобретают большее движение, больший реализм в

³ Н. Томашевский. Франческо Петрарка. Лирика. Автобиографическая проза. М., «Правда». 1989. URL: http://lib.ru/POEZIQ/PETRARKA/petrarka0_1.txt_with-big-pictures.html.

⁴ Giulia Baselica. Nei campi del Petrarca: Comparatistica, annuario italiano. Edizioni Polistampa. 2005. с. 201.

„токе“, то есть в „течении“ русского перевода, „le belle membra“ становятся „станом“ – телом, которое блистательно – „прекрасно“. Глагол *rose*, обозначавший легкость этого телодвижения Лауры, преобразен в более телесный – погружала – *immerse*. Перевод не семантический и даже не поэтический, поскольку образы оригинала сохранены, а верность есть верность ритму, доказательством чего служит ход стиха – Та, что мне одна „она“.

Наконец, <...> поставлен вопрос передаваемости подлинного Петрарки, каковой решается таким образом: миллион Петрарок говорят тебе и все – подлинны и все отличны один от другого. Таково послание, вручаемое русскому читателю Поэтом, и этому предстоит быть поставленным в контекст подлинной *Weltliteratur*, рядом с другими Петрарками, рядом с Петраркой, например, Осипа Мандельштама.»

I. Voi ch'ascoltate in rime sparse il suono

Вас, узнающих в рифмах отблеск страсти,
Сжигавшей сердце мне без промедлений
Во дни моих столь юных заблуждений,
Что ныне я совсем иной отчасти, –

За бедный слог мой, не единой масти, –
Из-за псевдонадежд и лжесомнений
По поводу любовных треволнений, –
Прошу не обречь меня напасти!

Тем боле, что и сам я вижу ныне,
Что всякому был притчей во языцех
Любовных заблуждений по причине.

Но не совсем томлюсь теперь в кручине,
Поскольку знаю: небылица в лицах
Вся наша жизнь и сон среди пустыни.

II. Per fare una leggiadra sua vendetta

Дабы свершить слепительную месть,
Сломив меня и раз, и навсегда,
Схватила лук крылатая Беда,
Как трус, чтоб втихаря удар нанести.

Но у меня засела в сердце Честь,
Дозор в глаза мне выставив тогда,
Но выстрел прямиком дошел туда,
Где ране мялись острия, как жесь.

Врасплох, увы, застал нас сей налет:
Ни сил, ни обстоятельств больше нет
Ни меч схватить, ни крикнуть караул.

О, если б вовремя сменить оплот
И тщательно запутать мукам след –
Чтоб перст их до меня не досягнул!

III. Era il giorno ch'al sol si scoloraro

Был день, когда, по промыслу Творца,
В моих глазах погас свет полуденный,
Когда мой взор смутился, пораженный
Сияньем, Донна, вашего лица.

Я не похож тогда был на бойца,
Тем более – на замок укрепленный,
Когда Тот положил стрелой каленой
Начало мукам, коим нет конца.

В зрачках моих – ни рва, ни палисада,
Чтоб к сердцу путь вторженцу запретить:
Глаза даны для слез мне – вот досада!

Угодно было богу пошутить
И дротик в безоружного вкрутить,
Когда у Вас перед дверьми – засада!

IV. Que' ch'infinita provedentia et arte

Тот, Чья любовь и мудрость обрекла
Мир восходить в спиралях бесконечных,
Слепив его из полушарий встречных, –
Зевесу – скиптр, Аресу – меч дала,

Кто просветил народы без числа
По поводу Писаний безупречных,
Кто от сетей взял рыбарей беспечных,
Подвигнув их на горние дела,

Кто Сына подарил отнюдь не Риму,
Но Иудее, ибо всяк смирен
Им предпочтен всегда был несмириму, –

Отметил городишко мал и брен,
Зажегши там звезду, повсюду зриму,
От коей весь тот край приободрен.

V. Quando io movo i sospiri a chiamar voi

Едва возьму дыханье – вас назвать,
Ваш первый слог в пленительном убранстве,
ЛАСкая слух, является в пространстве,
И на сердце нисходит благодать.

Затем, Увы, бегУ вас Увидать,
Чтоб Укрепиться в чУдном постоянстве, –
Вот слог второй, а РАЗум в критиканстве
Кричит, что с ней тебе не совладать.

Вот третий слог, вот, к слову, все три слога,
Где ЛАску с Уваженьем видеть РАд, –
Достойны вы обоих, ради Бога!

А Феба за нахальный этот взгляд
На сей вечнозеленый виноград
Попросим оба не судить нас строго!

VI. *Sí traviato è '1 folle mi' desio*

Заблудший, сумасшедший мой порыв
Летит за ней, преследуя беглянку,
Что без узды Амура спозаранку
Мчит впереди, пространства перекрыв.

Чем настоятельнее мой призыв
Вернуться, тем он падче на приманку, –
И не завлечь его мне на стоянку:
Он от Амура сделался строптив.

Ну вот, теперь вообще в его я власти:
Он, вырвав у меня из рук узду,
Несет меня к ужаснейшей напасти –

На Лавр, на дерево, чьи на беду
Плоды горчат и, с муками в ладу,
Дух не целят, но рвут его на части.

VII. La gola e 'l sonno et l'otiose piume

Сон и еда, и пух перин лебяжий
Свели на нет достоинство и честь:
Отныне поражений нам не счесть
От всякого довольства силы вражей.

Светильник добрый так затянут сажей,
Что прервалась небес благая весть,
Из камня Иппокрены не известь,
Чтоб не терпеть насмешек черни ражей.

Кого волнует лавр твой или мирт? –
Ступай нагая прочь, Философия! –
Орет толпа, вступив с мамоной в флирт.

Блажен, кто ведает пути другие,
Кто не разбавит благородный спирт
Ни замыслов, ни дел – в часы благие.

VIII. A pie' de' colli ove la bella vesta

Здесь, средь холмов, где твой недобрый гений
Является, одетый во плоти
Столь пламенной, что взгляду не снести
И, влажный, он бежит таких явлений, –

Спокойно, без особых тревожностей,
Не торопясь жизнь до конца пройти, –
Мы шли, не чая встретить на пути
И минимальное из преткновений.

Но нестерпимейшей среди разлук –
Разлуке с дивным вечно светлым раем
Предел однажды смертью простираем.

Мы умирали, не ломая рук,
И предвкушеньем встречи с милым краем
Для слуха был цепей упавших звук.

IX. Quando 'l pianeta che distingue l'ore

Когда Звезда, несущая часы,
Заходит переждать в таверну Овна,
То блеск рогов Скотины безусловно
Дарит планете новые красы, –

Не те, которые нам бьют в носы,
Убрав луга цветочками любовно,
Но те, что в земных недрах бурнокровно
Взрастут, взойдут, чтоб отягчить весы –

В дни, как известно, сбора урожая:
Так точно ты, о солнце среди дам! –
В меня глазищ лучища проливая,

Даешь взрасти во мне любви плодам, –
Но судя по другим твоим делам:
Я не дождусь ни августа, ни мая.

X. *Gloriosa columna in cui s'appoggia*

Колонна, славный столп, надежд опора,
Латинских предков дорогой потомок,
Да не замедлишь ты из-за потемок
И непогоды – конного опора!

Не обещаю в кулуарах спора,
Здесь говор муравы не больно громок, –
Но рядом с домом дивный скал обломок
Нас к небесам с тобой приблизит споро –

Читающих стихи, а то и прозу, –
Да соловей под ивой вековой,
С три короба наплакав нежных жалоб,

Наполнит нас любовною тоскою:
Настало время выполнить угрозу
К нам быть – и поскорее не мешало б!

XI. Lassare il velo o per sole o per ombra

Позолочен иль мрачен небосвод –
Все вы под покрывалом:
Узнали, видно, под каким завалом
Вот это сердце бедное живет.

Пока еще умел от вас таиться
И смерть ума сокрыть от ваших глаз, –
В лице у вас еще читал я жалость.
Амур на счет мой надомил вас:

Вы тотчас поспешили принакрыться,
А взгляд изобразил одну усталость –
Так ничего от вас мне не осталось!

Дни солнечны иль вьюжны –
Покровы мне вредны, а вам ненужны:
Ваш взор и ваши волосы – мой мед.

XII. Se la mia vita da l'aspro tormento

Когда меня смертельно не поранит
Презренье ваше и еще жив буду,
И доживу, дивясь такому чуду,
До дней, когда ваш дивный взор – завянет

И в золоте волос – серебро проглянет,
И кинете венки носить причуду,
И цвет зеленый платья вам в осуду,
Так как поблекли ваши щечки, станет, –

Тогда я вам поведаю невзгоды
Часть малую, той, что меня снедала –
С любовью к вам – все дни, недели, годы, –

Чтоб вы – услышав повесть, как страдала
Душа – в те наши поздние погоды, –
Чтоб вы... хотя б вздохнули запоздало.

XIII. Quando fra l'altre donne ad ora ad ora

Когда средь прочих дам она нет-нет
Является – меж ветерков Амуром, –
Чем дале дамы смотрят взглядом хмурым,
Тем боле вождедею мой предмет, –

Благословляя всех вокруг замет,
Гляжу во все глаза, но чуть с прищуром,
И благодарность сердца мчит аллюром
К Тому, Кто, вот, сподобил видеть свет, –

И в свете том любовное томленье
Мое преображается, гляжу,
В высокое всех мыслей устремленье:

В том свете этот свет, я вам скажу,
Не стоит ни любви, ни сожаленья, –
Сей мыслью обнадежен, ухожу.

XIV. Occhi miei lassi, mentre ch'io vi giro

Едва унылый взор мой обращаю
К сиянию удивительного взора
Двух глаз-убийц, как скоро
Уже люблю, вздыхаю и грущу.

Нет, только смерть одна положит мысли
Скитаниям предел, а так влечет
Их беспредельно гавань исцеленья.
Но, взгляду – малая соринка в счет:

Ее довольно, чтоб глаза подкисли,
И ненадежны глаз напечатленья;
И слезы льют от предопределенья

Разлуки, и разлука – точно, рядом:
Так бы и выпил взглядом
Ту, что вот-вот навеки отпущу!

XV. Io mi rivolgo indietro a ciascun passo

Бежит от вас, к вам обращая взгляды,
Мое такое немощное тело,
Что если бы душа к вам не глядела,
То не было б ни сил в нем, ни отрады.

А мысли, вами занятые, рады –
Пусть долог путь, пусть жизнь уж пролетела, –
И стану в страхе вдруг бледнее мела,
И очи прячу со слезьми досады.

А то вдруг посреди унылых пеней
Спрошу себя, как может этот остов
Все жить, вдали от ваших вдохновений?

Скажи, Любовь, быть может, дело просто в
Том, чтоб любить? И ты и есть тот гений,
Что жизнь вселяет в жителя погостов?

XVI. *Movesi il vecchierel canuto et bianco*

Седой белобородый старичок,
Не побоясь всех трудностей дороги,
Прочь поспешает от семьи, в тревоге
Об немощном, который в путь потек.

А тот влечет стопы нетвердых ног
Со днями, что вот-вот обрежут боги,
Борзо минуя ямы и пороги,
Под бременем лет и средствами убог, –

И в Рим является, следя наитью,
Чтоб изблизи взглянуть на лик Того,
Кого на небе вскоре узрит лично.

Так в каждой по людскому общежитью
Ищу, о светоч сердца моего, –
А не проглянете ль вы в ней мистично?

XVII. Piovonmi amare lagrime dal viso

Град горьких слез роняю я из глаз
И в воздух тучи вздохов насылаю,
Едва случайно вас в толпе узнаю:
Ведь вы мою порвали с миром связь.

Но вы в глаза мне смотрите, смеясь,
И я все бури тотчас усмиряю,
И огонь, меня палящий, погашаю:
Зачем нежны и кротки вы тотчас?

Но, леденя, застываю вновь:
Вы повернулись, вы ушли – и с вами
Прешли судьба и звезды, и любовь.

Распахнутая вашими очами,
Душа болит и источает кровь –
И стелется за вашими стопами.

XVIII. *Quand'io son tutto volto in quella parte*

Едва направлю взгляд на вас в тот час,
Когда красой сияет дама света,
Душа полна немеркнущего света,
Который пепелит меня тотчас.

И сердце говорит мне: Се тот час!
Се не созрел ли для того ты света?
И вот, как человек, лишенный света,
Я двигаюсь, бессмысленно топчась.

Вот, убоявшись гибели, бегу,
Однако не столь скоро, чтобы плачу
Из глаз моих не прятать на бегу.

Не то, чтобы сочувствием небрежу,
Но, на кого в бегах ни набегу, –
Молчу про все и в одиночку плачу.

XIX. Son animali al mondo di sí altera

Есть в мире существа, чей гордый зрак
Сияющее солнышко прельщает,
И есть иные, коих свет стращает
И чьи глаза ласкает только мрак.

Но есть и третьи, что с сияньем в брак
Вступают, их же в пепел обращает
Светильник, чем, по долгу, просвещает, —
Я с ними, с третьими, я им не враг:

Зане блистанье мной невыносимо
Той женщины, от коей мне не сбечь
Ни в нощи тень, ни в нору не залечь.

С глазами красными, как бы от дыма, —
Не волен я за ней стопы не влечь —
Чтоб кучкой пепла стать необратимо.

XX. Vergognando talor ch'ancor si taccia

Стыдясь того, что до сих пор не смог,
Сударыня, в стихах ваш блеск прославить, –
Могу вас тем хотя бы позабавить,
Что никакой иной меня не влек.

А этот труд для рук моих жесток:
Писать – еще б полдела, дело – править,
И стоит мне объем работ представить,
Как страх меня берет под локоток.

Ловлю себя на том, что отверзаю
Подчас уста, но голос с них нейдет,
А гнать его чрез силу не дерзаю.

Рука, пожалуй, стих писать пойдет,
Да вдруг замрет – и вон перо бросаю:
Еще атака, захлебнулась, вот!

XXI. Mille fiate o dolce mia guerrera

О милый враг мой, верных сотню раз,
Пытаясь с вами честно замириться,
Я сердце вам сдавал, но вы, царица,
Сей низменный трофей гоняли с глаз.

Меж тем оно, опальное у вас,
Могло б найти еще пред кем раскрыться...
Но я ведь тоже не могу прельститься
Твердыней, что без боя вам сдалась, –

А по сему вам шлю его обратно:
Дадите ли убежище ему?
Нет, вновь прогнали с глаз – и так стократно.

Тем бой сбиваем сердцу моему
Мы оба, но вы больше, потому
Что любит вас – как вам ни неприятно!

XXII. A qualunque animale alberga in terra

Любого обитателя земли,
Опрочь тех, коим ненавистно солнце,
К трудам зовет, забрезжив, новый день.
Но только небо зажигает звезды,
Всяк возвращается: кто в дом, кто в лес, —
Вздремнуть, покамест не горит заря.

А я, как только вспыхнула заря,
Прогнавши мрак кружить вокруг земли
И полня щебетом и звоном лес, —
Мне воздыханий не унять при солнце.
Затем, следя, как пламенеют звезды,
Томлюсь в слезах, пока не придет день.

Приходит вечер, гаснет ясный день:
У нас тут сумерки; у них — заря.
В раздумье я гляжу на злые звезды:
От них мой мозг — из мыслящей земли, —
И проклиная день, как свидетель солнца,
От коего мне жизнь как темный лес.

Не породил такой зверюги лес,
Ни ночи глубина, ни хмурый день:
Я плачу от нее в ночи, при солнце,
Ни сон не лечит боли, ни заря.
Пускай я, смертный, создан из земли,
Но в грудь мою желанье влили звезды.

Пред тем, как мне уйти туда, где звезды,
Иль пасть, любовным стоном полня лес, —
Чтоб кинуть плоть добычею земли, —
Услышать бы мне «да» от той, что в день
Один способна годы подарить: заря
Такая мне бы возвестила солнце.

С ней был бы я, едва погаснет солнце,
И нас никто б не видел — только звезды!
И вечно — ночь, и никогда — заря!
И в лавровый бы не спешила лес,
Страшась моих объятий, как в тот день,
Когда выросла пред Фебом из земли...

Ах, мне уделом — гроб: рубите лес!
Скорее днем проглянут в небе звезды,
Чем в сумерки души вперится солнце.

XXIII. Nel dolce tempo de la prima etade

В юном сердце по весне
Появился кукушонок
На погибель на мою –
Оттого мой голос звонок:
Так спою, как было мне
Мыкать вольницу свою
В безамуровом раю,
Как Амур потом взбесился
И обидел наглеца, –
Мало, впрочем, кто избавлен от подобного конца!
Всяк об этом относился,
Всех тошнит от строк любви, –
Я же – вздохи изрыгаю:
Эти – подлинней, чем те!
Что забуду в простоте –
Все по стружьям прочитаю!
А не то – душа в крови,
Так что фельдшера зови;
Я себя подчас не помню –
Воздух воплями оскомню.

С той поры прошли года,
Как Амур меня попутал,
Сердцу причинив прострел.
Сердце я мое окутал
Мысли холодом тогда.
Я отнюдь не возгорел,
С любопытством сам смотрел,
Как в любви иной чудачит,
Слезный ток на грудь струя.
Господи, ведь в бездну муки ныне окупят и я!
Весельчак свой смех оплачет, –
Так решил тогда тиран, –
Я ему пробью подрысник!
И в подмогу взял бабца:
На такого-то живца
Изловил меня проказник!
Изрешечен кучей ран,
Смят я, выбит, кратно бран,
Превращен из мужа в Дафну –
Вечно зелен и не чахну.

Перенести себя не мог,
Чуть не в древо околдован –
С шапкой лаврова листа,
Точно ею коронован, –

Да с корнями, вместо ног,
Коими допреж спроста
Двигал, ох, мне маята!
Не в Пеней глядясь, а в Соргу, –
Вместо рук, смотрю: сучки!
Но не в этот раз едва ли я не рехнулся с тоски,
Но как стал весь в перьях в сборку,
Что Икар иль Фазтон,
Возмечтавший о полетах, –
Молнией сражен, в слезах;
На каких теперь бобах
И в каких судьбы тенетах,
В тьме ночей иль в гуще ден,
В бреге иль где ток студен
Упованью, по судьбе, быть?
Сед стал и пою, как лебедь.

Милым бережком бреду
И реву – чуть рот раскрою –
К ней – и матом преблагим.
Вижу, и лебяжью пою
Вряд ли влить мою беду
Ушкам, к жалости тугим,
Мне – и вовсе худо с ним,
Дале ж: впрямь и необорно!
Кисло-сладкая лицом –
Все о ней тотчас скажу я, чтоб и дело тут с концом, –
Удивлялась непритворно.
Взгляд ея – сей душекрад –
В грудь мне ткнул и сердце стяпал,
Приказав, чтоб я молчал.
После ту ж я повстречал,
Только не узнал: так слаб был,
И открыться был ей рад.
В ней произошел возврат
К прежней к ней – тут я стал камен
В страхе от подошв до рамен.

Рекла, видом смущена,
Так, что встрепетал я в камне:
Я не та, какою мнишь!
Про себя ж молил: Искамни!
Жизнь мне всякая важна,
Пусть проплакать мне велишь! –
Тотчас двигнулся я, вишь,
На чем свет стоит, ругая
Сам себя: ни мертв, ни жив.
Но поскольку нету время и перо мне супротив,
Да и мысль мне – как чужая, –

Из всего, что держит ум,
Мало что мной изъяснимо
В изумленье повергать!
Смерть мне сердце – ну сжимать!
Мне б шепнуть ей: Дуй, мол, мимо!
Мне бы жизнь вдохнуть в рой дум,
Но язык стал тугодум.
Так кричу всю пером я:
Пропаду вам поделом я!

Почитал себя ее
Состраданья недостойным,
Отчего и смел бывал:
Робким будь иль будь назойным –
Всякий обретет свое.
Я же ведал лишь провал.
Мрак всю землю покрывал,
Свет исчез – и ни намека
Мне на тень ее иль след.
Так обрушился в траву я как-то раз под грузом бед,
Как хотящий спать жестоко.
И, вина мой беглый луч,
Волю дал слезам горячим:
Пусть беспошлинно текут,
Как снега весной бегут.
Я слабел, слезами мучим,
Обратясь под буком в ключ, –
Мчался, прыгая меж круч:
Кто когда об этом слышал,
Чтобы муж вдруг речкой вышел?

Душу нам дарит Господь
Трепетной, опричь, никто же.
Как Творец, душа нежна,
Как Он, милосердна тоже
С тем, кто взор устав колоть,
Вдруг покается сполна.
И упорствует она
Лишь затем, что грех ей мерзок.
Грех противен и Творцу,
Греховодникам завзятым покаяние к лицу:
Грешник и виниться дерзок!
Состраданием взята,
На меня она взглянула,
Кару пытанной сочла,
Наказанье отняла,
Но в ней мудрость не уснула,
Вижу, коль в свое пушусь,
Снова камнем обращусь!

И какая мне в том прибыль –
Звать ее, мою погибель?

Помню, скорбный дух блуждал
По пустыням и трущобам,
Проклиная прежний пыл.
Я искал цельбы хворобам,
Прежним стать собой пылал,
Но не скорби я избыл:
Я желал, страдал, любил.
Как-то раз мне в час охоты
Зверь коварный, дивный тот,
Знойным днем разгоряченный, средь ручья вдруг предстает.
Все отринув в миг заботы,
На нее гляжу, смутив.
И, желая отомститься
Иль сокрыться, брызжет мне
Тучи брызг в лицо: оне
Мне велят преобразиться,
Ах, как грустен сей мотив,
Вдруг оленем обратив, –
И бегу, бегу чрез боры,
От моей спасаясь своры.

Песенка, я не Зевес,
Чтоб из облака золотого
Страсть мою пролить дождем,
Хоть Юпитера огнем
Я горю и мысль готова,
Что орел, в лазурь небес
Хитить чудо из чудес –
Лавр, усладу страстотерпца.
Прочи думы – прочь от сердца!

XXIV. *Se l'onorata fronde che prescrive*

О Лаура, когда б ваш лавр честной,
Защита от Зевесовых гонений,
Не отказал в пользительной мне сени –
Ее ж достоин пишущий любой, –

Я б подружился с Гениев толпой,
Которых подлый век ценит все мене, –
Но как я жертва ваших оскорблений –
Мне не до добрых дел, само собой.

Зане и Эфиопская пустыня
Под солнцем источает меньший зной,
Чем я, насущного лишенный ныне.

Минуя мой, взысуйте-ка иной
Источник мене бешеный, ведь вы не
Напьетесь им: он так горчит слезой.

XXV. Amor piangeva et io con lui talvolta

Амур и я – мы оба были в голос
(Поскольку пары неразлучней нет),
Пока вы так запутывали след,
Что добродетель ваша прокололась.

Теперь, когда от ней вы ни на волос
(Бог упаси и дальше вас от бед!),
Мой благодарный ум к Тому воздет,
С Чьим милосердьем ваша дурь боролась.

Итак, вступая вновь на путь Любви,
А похоть оставляя с носом ка-бы,
Вы встретите то кочки, то ухабы...

Что делать: путь тернистый – се ля ви!
Подъем суров и крут, все на брови:
Всё – подлинную ценность узреть дабы!

XXVI. Piú di me lieta non si vede a terra

Не весел так и кормчий, что к земле
Корабль приводит бурею разбитый,
С командой, свежим ужасом повитой,
Молившей о спасении во мгле.

Не весел так и узник, что к петле
Приговорен и с нею в мыслях слитый,
С волнением смотрит на простор открытый,
Вспоминая о минувшем зле.

Эй, там, в амурных песнопений сфере!
Для запевалы добрых нежных нот,
Что прежде сбился с курса, – шире двери!

Ведь в царстве избранных славнее тот,
Кто обращенным вновь в него войдет,
Чем девяносто девять крепких в вере.

XXVII. Il successor di Carlo che la chioma

Преемник Карла, шевелюру сжав
Венцом предшественника-венценосца,
Готов сшибать рога у рогоносца
Халдея, Вавилон его поправ.

Христов наместник, мантию собрав,
Звеня ключами, в милый Рим вернется, –
Когда другое нам не подвернется, –
В град Божий, переживший столько слав.

Смиренная и кроткая агница
Съест волка злобного – так будет впредь
С любим, кто брак нарушить покусится.

Вам надлежит обоих подогреть
(Ее и Рим), их верность подпереть,
И за Христа оружием исполчиться.

XXVIII. O aspectata in ciel beata et bella

Высокий, чистый дух,
Во плоть здесь облаченный
Легчайшую иной, –
Ступай непреткновенный
Стезей всех Божьих слуг,
Правь в небо путь земной.
Летит пусть парус твой
От мира прочь слепого –
К далеким, лучшим берегам.
Вверх западным ветрам
Твой челн, средь дна мирского
Рыдать оставив нам, –
От пут свободный старых,
Пути не зная непрямого –
К Востоку истин ярых!

Мольбы ль сердец благих,
Слезы ль святые смертных
Достигли вышних врат?
Но в далях милосердных
Что звук тревог земных:
Там суеты ль гостят?
Нет, Тот, Кто всеми над,
На град, где был он распят,
Взгляд состраданья обратил
И королю вселил
Он помысл, что месть зря спит.
Иль нет в Европе сил
Чтоб защитить супругу?
Пускай трепещет вавилонский аспид,
Взирая встречу супругу!

С Гаронной и горой,
Меж Роною и Рейном
Край до соленых вод
Встает в строю копейном.
Испанию пустой
Оставит войск исход,
И английский народ
За валом океана,
И тот, что первым вывел Муз
На свет святой союз, –
Все жаждут славы бранной,
Отринув прежних уз:
Что может быть дороже
Любви не к даме несказанной –

К тебе любви, о Боже!

Часть мира возлежит
Среди снегов зальделых
И солнца лишена:
В днях кратких и несмелых
Покой людей бежит
И смерть им не страшна,
Их злость вооружена
Тевтонским фанатизмом.
Арабов, Турок и Халдей,
Близ пурпурных зыбей
Слуг божествам капризным,
Ты знаешь меж людей
Медлительных, пугливых.
Честной булат у них не признан:
Дождь стрел – и ветер в гривах!

Итак, пора ярмо
Столкнуть и скинуть шоры,
Калечащие нас:
И пусть явятся взоры
Нам доблести самой!
Чрез устный ли рассказ
Иль письменный показ
Мы их увековечим,
Как прежде Феб или Орфей,
И Рима сыновей
Вспоем: готовь же речь им!
Ради Христа копье
Пускай им мать заточит.
Их дивной долей обеспечим –
Того их жребий хочет!

Ты древних пролистал
И нынешние книги,
Ты ведал, духом пьян,
И Ромуловы миги,
И Августа, что стал
Трикраты увенчан.
Сколь часто кровь граждан
Рим проливал нескучно, –
Ты знаешь, но не щедрость днесь
Нужна, чтоб встать за честь
Земли, попанной тупо:
Чужда Иусу спесь!
Пусть те, кому тьма – имя,
На силу уповают глупо, –
Зане Христос – не с ними.

Припомни Ксерксов пыл
Нести брегам сим – бремя,
А сим водам – мосты.
О Саламины время!
Царь женок облачил
В дым траурной тафты.
Не эти маяты
Царя и дни унылы
Нам прочат хор счастливых ден, –
Но дивный Марафон,
Но горды Фермопилы,
Но слав недавних звон!
Так вверим же, ей-богу,
Дни наши, помыслы и силы
Создавшему нас Богу!

Ты, песенка, узришь
Италию, брег счастливый:
Пусть это будет не пейзаж,
Нет, но – Любовь, чей раж
Дух горячит ретивый, –
Таков обычай наш!
Лети ж в соседстве с теми,
Кто, дамы вдалеке ревнивой,
Начало даст поэме!

XXIX. Verdi panni, sanguigni, oscuri o persi

Зелен, черно-лилов у любимой покров
Или ал, как коралл или лал, –
Злата кос дорогих нет у разных других,
И лишила она сердце воли и сна,
И дороги уму больше нет ни к кому,
И душе – иль не быть, иль вовек не избыть
Сладких грез и томительных слез!

Путь мой, вправду, суров: иногда я готов
Жизни бал, где счастлив не бывал,
Кинуть ради иных благ, отнюдь не земных,
Но земная весна – ощущенью дана,
Мысль о смерти саму прогоняет во тьму,
И любовная прыть, и желанье винить
Тер пят снос от волос ее кос.

От Амура даров я весьма нездоров:
Подустал, рай же все не настал.
Лишь один вижу спих со страданий моих:
Болью умудрена, в ней проснется вина, –
У себя на дому гнев и гордость приму,
Чтобы кротко отмстить ей и душу излить,
Словно пес, что все муки изнес.

В год средь черных годов взял я принял под кров
Черный тал ее глаз, их овал,
И божок из лихих наделил мне от них
Сердце мукой без дна, и душа влюблена,
А зачем, не пойму, – в ту, что веку сему
Взглядов дивная сыть, – а она, может быть,
Камень бос, не боящийся рос.

Плачьте, пятна зрачков, – приговор ваш таков:
Ваш провал жгучей муке предал
Сердце крепей былых, где пожар все не тих,
Где гуляет одна вождельня волна, –
Оттого, потому там не жить никому, –
А чтоб можно в ней жить – надо душу отмыть
Роз алей, зеленой юных лоз.

Дичь здоровых голов – вот мой мысли улов:
Потерял коли прежний накал,
Пусть последний твой штрих будет сталью под дых, –
Если смерть от рожна в самом деле красна
От того и тому, кто в любовном дыму
Ищет жизнь душить, чтоб посмертно зажить,

Словно босс, средь небесных колес.

Точки дальних миров! Иль от ваших дворов
К нам попал этот дивный фиал,
Полн лучей неземных, – лавр в сияньях сквозных,
И чиста, и честна, и всегда зелена,
И бесстрашна к тому, что душе ни к чему:
Молньям в ней не ходить, ни ветрам не блудить, –
Лавр-колосс, что в пустыне возрос!

Пусть предмет мой таков, что любой из певцов
От похвал, спетых к ней, бы схудал.
И поэтов таких, чей бы в жилу был стих
Нет, и память одна удержать не вольна
Совершенств этих тьму и в очах по уму:
Чтоб тюрьму затворить, где ей славу творить
Под разнос должен я, ибо спрос

Ваш удовлетворить бы не смог, а корить –
Так вам просто не станет вопрос.

XXX. Giovene donna sotto un verde lauro

Холодней, белее снега,
Что не знал палящих лет,
Донну юную под лавром
Встретил я: лицо и кудри
До сих пор в моих глазах,
На какой ни спрыгну берег.

Скоро ли желанный берег?
Хладный огонь сожжет снега.
Сердцем тих, без слез в глазах,
Жду в теченье долгих лет,
Сединой упудрив кудри,
Единенья с дивным лавром.

Я бреду, как тень, за лавром –
Скоро, скоро Стикса берег:
Все белей, все реже кудри,
Солнце жжет, томят снега,
Время прочь стремится свой лет
У последних дней в глазах.

Столь красы, сколь есть в глазах,
Изъявленной жестким лавром,
В беге прежних, наших лет
Не найдешь: облазь весь берег!
И, как луч палит снега,
Жгут меня златые кудри.

Вдруг исчезнут прежде кудри,
Чем замечу страсть в глазах,
Где все ночь и все – снега, –
У подруги, ставшей лавром:
Я хочу увидеть берег,
Коль не вру, уже семь лет.

Ты, родясь чрез тыщу лет, –
Мысли те ж, иные кудри –
Знай: и я топтал сей берег,
Состраданья ждал в глазах,
Здесь, под росшим чинно лавром,
И сгорал, смотря в снега.

Злато и топаз в снега
Кинь: все блеск кудрей в глазах
Ярче их! Скорей бы берег!

XXXI. Questa anima gentil che si diparte

Когда бы ей покинуть этот мир
Пришлось чуть до... Ну, словом, ране срока...
Когда б (а сомневаться в том – жестоко)
Ее потом приял блаженных клир!

Будь там она, где Марс лучит в эфир, –
И Солнце стускнет для земного ока:
Ведь вокруг нее, прибывшей одиноко,
Достойных душ тотчас возникнет вир.

Уйдет она за Марс – тотчас Луна,
Венера, Солнце, Марс – теряют в свете:
Всех этих звезд сиятельней она.

С Сатурном у нее ничто в предмете,
Но коль взлететь к Юпитеру должна –
С ней в блеске не поспорить ни планете.

XXXII. Quanto piú m'avvicino al giorno estremo

Чем боле приближаюсь я ко дню,
Что обрывает горести земные,
Тем легче мчат назад часы шальные,
Тем мене уповаю я и мню.

Вы, помыслы о страсти, сохраню
Недолго вас: как ковы ледяные,
Плоть тает, отходя во дни иные,
Когда истому на покой сменю.

А вместе с плотью тает обольщенье,
Так вызывавшее в уме моем
Веселье, горечь, страх иль возмущенье.

Увидим скоро, как другой, с умом,
Закрутит жалких дел коловращенье
И так же станет плакать ни о чем.

XXXIII. Già fiammeggiava l'amorosa stella

Звезда Любви затеплилась в ночи
Востока, между тем на небосклоне
Другая, неприятная Юноне,
Льет с севера блестящие лучи.

В тот час, когда от сна встают ткачи
И босиком бегут раздуть огонь, и
Любовники, и неженки, и сони,
Струят из глаз соленые ключи, –

Та, коей рядом не было в помине,
Явилась вдруг, для сердца – не для глаз,
(Их сон смыкал, а ране – рыд потряс),

Пришла, какой я не видал доньше.
Она сказала: Ты скорбишь? Вот раз!
Ведь я жива – чего же ты в кручине?

XXXIV. Apollo, s'anchor vive il bel desio

О Феб! Коль жив в тебе твой нежный пыл,
Тебя сжигавший в Фессалийской пади,
И милые блондинистые пряди
Ты за грядую лет не позабыл, –

Не дай, чтоб злых времен холодный ил,
Затем что этот век с твоим в разладе,
Лавр оболоч честной, какого ради
Вслед за тобой я душу погубил.

Ты силою любви святого дара,
Дар, каковой в унылой жизни – друг,
Очисти мир от странного кошмара.

Удивлены, тогда увидим луг
И в нем – она, укрытая от жара
Под сенью собственных своих же рук.

XXXV. Solo e pensoso i piú deserti campi

Один, задумчив, я поля пустые
Медлительными меряю шагами
И убегаю тотчас прочь глазами,
Завидев на песке следы людские.

Не действуют преграды никакие:
Повсюду любопытный взгляд за вами, –
Меня испепеляющее пламя
Вовне являю миною тоски я.

Я думаю, ручьи, леса и горы
Уже вполне то знают, что отчасти
Нескромные повыведали взоры.

Все дело в том, что я везде, к напасти,
Беседую с предметом Нежной Страсти, –
Всему виною эти разговоры.

XXXVI. S'io credesse per morte essere scarco

Будь я уверен – смерть всему конец,
И пошлomu любовному томленью,
Сложил бы в землю я без промедленью
Унылых членов пакостный свинец.

Но так как ныне я подверг вконец
Загробные все радости сомненью –
По полуздраву полуразмышленью,
Я на земле пока полужилец.

Амур свои безжалостные стрелы
Давно об это сердце загупил,
Но их отравa разошлась по телу.

Землистый цвет в ланиты поступил.
Напрасно я к беспамятной вопил,
Чтобы взяла меня в свои пределы.

XXXVII. Sí è debile il filo a cuisattene

Жизнь чал ослабила и, что ни миг,
К иным брегам отходит.
О, если распогодит
Возлюбленная эту хмарь меж нас!
Но вдаль проклятый путь меня уводит,
И в гуще толп чужих
Одной надежды лик
Мне придает веселости запас,
Внушая мне: Не раз
Предстанет вам разлука...
Вот сладостная мука –
О лучших днях в изгнанье размышлять!
Да сбудутся ль опять?
Иль все – минулось без руки, без звука?
Я молод был, я упованьем жил –
Увы, я упованья пережил!

Уходит время: каждый час бежит
И вдаль меня торопит,
И что за тяжкий опыт –
О предстоящем размышлять конце!
Едва восход довольно сил накопит,
Как вечер уж свежит,
Последний луч дрожит
Кривого мирозданья на крыльце,
Так гаснет свет в лице, –
Черты его бесчертны, –
Что делать: люди смертны!
Я мысленно гляжу в ее черты, –
От дальней сей черты,
Но к ней лететь живьем – крыла инертны.
И сир и дискомфортен я тотчас, –
Господь помилуй в этой жути нас!

Всяк вид меня мрачит, где не видать
Очей ее чудесных –
Двух ключарей небесных
От нежной мысли врат, как Бог судил,
Чтоб к горьким дням придать других непресных.
Что ни возьму начать –
Без них тотчас скучать
Я обречен: всяк прочий взор не мил!
О горизонт! Ты скрыл
За водные преграды
Две светлые лампы,
Которые вдруг сумерки средь дня

Сгущали для меня, –
Чтоб, вспоминая счастья перепады
И всю веселую когда-то жизнь,
Я говорил себе: Казнись и киснь!

Увы, чем дальше в лес, тем больше дров:
Помыслив, освежаю
Грусть, коею пылаю
Со дня, как кинул ся благую часть.
Амур в разлуках чахнет, полагаю, –
Чего ж он тут здоров?
Что ж пламень как суров?
Зачем я камнем не могу упасть?
Стеклохрусталь вам всласть
Предъявит цвет подложный –
Так облик наш несложный
Подложку мыслей скоро выдает
И душу предаёт,
И нежности сердечной дух острожный.
Как? Через глаза, ишедшие в слезах...
Покамест та не явится в глазах.

Какую сладость странную наш ум
Подчас и вдруг находит
В том, что с ума он сходит
И вздохов странный ряд вам предведет!
Плач нынче так меня ухороводит,
Что мнится: не в обум
Произвожу сей шум,
Коль скоро в бедном сердце грусть поет, –
Но чтоб поставить в счет
Поистине ужасным
Глазам ее прекрасным
Еще одно, как комплектуя иск:
Чуть вспомню – тут же вдрызг
Расплачусь ревом в голос иль безгласным, –
Безумно жалуясь на ту и той,
Кто проводник в любви и светоч мой.

Златые косы, солнца давний сон,
Завистливо-наивный,
Взгляд чистый, ясный, дивный,
Откуда, чрезвычайно горячи,
Лучи вас дарят мукой неизбывной, –
Слова – тем в унисон –
На редкостный фасон
Иль единичный, впрямь: поди их получи,
Теперь тем боле! Чьи
Потери столь велики?

Коль я лишен толики
Участливости ангельской ее –
Кто сердце мне мое
Пронзит желаньем горячее пики
И вождельем – к райским высотам,
Столь близким, что навряд ли буду там!

И чтоб уж с большим чувством мне рыдать:
Вид тонкой белой пясти
И той предплечья части,
И нежно-горделивый каждый жест,
И кротость неги в упоенье власти,
И персей благодать,
И ум, большой, видать, –
Сокрыты за горами этих мест!
И знаю, что мой крест –
Ее не встретить боле!
За пароксизмом боли
Вдруг упованье робкое ко мне
Является, но не
Стоит со мной, не знаю: оттого ли,
Что чудо совершенства свижу я
Средь совершенств – за гранью бытия?

Мчи, песенка, скорей
Пред очи донны ясной!
Она небезучастной
Тебе протянет нежную ладонь, –
Но руку ты не тронь!
Почтительно склонясь к ногам прекрасной,
Поведай ей, что скоро буду к ней –
Живая плоть иль тень среди теней.

XXXVIII. Orso, e non furon mai fiumi né stagni

Нет, никогда ни реки, ни пруды,
Ни море, все вобравшее потоки,
Ни тень стены, холма или осоки,
Ни облака с завесою воды,

Ни прочая препона, чьи труды
Взгляд затрудняют на большие сроки, —
Со мной, друг Орсо, не были жестоки,
Как та, что застит дивных две звезды.

А это потупленье их? Оно,
В смиренье паче гордости, лишает
Меня веселья, с жизнью заодно.

О, как мне белая ладонь мешает,
Что в каверзах замечена давно
И мановеньем зренье сокрушает.

XXXIX. Io temo sí de' begli occhi l'assalto

Я так боюсь налета милых глаз,
Источников и страсти, и острастки,
Что их бегу точь-в-точь как школьник таски,
И минул уж давно тот первый раз.

С тех пор – каким бы ни был трудным лаз
Или высоким ствол – без приукраски, –
Тотчас взберусь, спасаясь от указки,
Чтоб не прошлась по мне – неровен час.

А нынче оглянулся наугад:
Гляжу, вы тут как тут, смываться поздно –
Виновны сами, я не виноват.

Я к вам пошел, хоть вы смотрели грозно,
И сердце в пятках, и себе не рад:
Мне смелость нелегко далась, серьезно!

XL.S 'Amore o Morte non dà qualche stroppio

Коль не запутают Эрот иль Рок
В станке моем последнюю основу,
Коль я тут, по добру да по здорову,
Сплету любовь и смерть в один уток, –

Никак не можно, чтобы я не смог
Дать строй старинный молодому слову, –
И – страшно молвить: по труду готову
Мне в Риме будет лавровый венок.

Но так как к завершению работы
Потребна мне толика волокна,
То, милый отче мой, пролей щедроты.

Чего же ты не шлешь мне ни рожна –
И все так вдруг! Прошу: яви заботы,
Дай пряжу, а любовь и песни – на!

XLI. Quando dal proprio sito si remove

Когда увозят в чуждые уделы
Ту, от кого и Феб впадал в изъян, –
Пыхтит и прееет в кузнице Вулкан,
Чтоб Громовержец вволю сыпал стрелы.

Тот шлет грома и снег, и дождь: свет бел, и
Что там снаружи – Цезарь или Ян?
Земля слезоточит, из дальних стран
Нейдет светило, чьи лучи несмелы.

К Сатурну с Марсом переходит власть –
К зловещим двум звездам, меч Ориона
Пловцов несчастных сокрушает снасть.

И от Эола узнает Юнона,
Нептун и мы про злейшую напасть:
Нет той, к кому природа благосклонна.

XLII. Ma poi che 'l dolce riso humile et piano

Но если Дафны облик осиян
Является в отечества пределы, –
В работе Сицилийца есть пробелы:
Он тщетным рвеньем в кузне обуян.

Юпитер громыхнуть хотел бы, ан
Куда грома девалися дебели?
И Аполлон, взглянув в лицо Кибелы,
Цветами обновил покров полян.

Дыханье с Запада смиряет лоно,
И кормчему отныне не пропасть,
В лучах раскрылся венчик анемона,

Противная звезда спешит упасть
И предоставить той часть небосклона,
По ком слез излила немало страсть.

XLIII. Il figliuol di Latona avea già nove

Латоны сын на этот балаган
От козырька заоблачной капеллы
Кидает взоры сильно оробелы:
Где та, что нанесла нам столько ран?

Но, видно, застит взгляд ему туман:
Она не мнет стопой нигде плевелы!
И тотчас все его поступки квелы,
Как у того, чей вдрызг изломан план.

И смотрит он на вещи отрешенно,
Как человек, наплакавшийся всласть:
Вид жалкий у него – ну, что ж вы, донна?

Ведь видеть вас, вас петь – благая часть.
Хоть тучки по небу – все шась да шась, –
Безветренно, без перемен – сезонно.

XLIV. Que' che 'n Tessaglia ebbe le man sí pronte

Тот, кто в Фессальи перебил косяк
Сограждан, близкой крови не жалея, –
Оплакал все ж бунтовщика Помпея,
Которому был тестем как-никак.

Пастух, пробивший чурбану чердак,
Оплакал сына своего, злодея,
И, на Саула злобы не имея,
Царя похоронил как добрый враг.

А вы, которой жалость непонятна,
У коей есть броня противу стрел
Амура, пусть он целится халатно, –

Какой бы мукою я ни горел –
Слезинки я у вас не подсмотрел:
Одни презрительного гнева пятна!

XLV. Il mio adversario in cui veder solete

Стекло, в чей ныне мерзкий мне состав
Вперяете вы взгляд, любимый Богом,
Влюбляет вас, в заимствованьи строгом
Веселый нежный облик ваш вобрав.

Стекло меня лишает всяких прав
Быть с вами рядом: горестным итогом
Суть то, что я в изгнании убогом
Оплакиваю дни былых забав.

Будь даже я подшит к вам ненароком,
Стеклу не следовало б, подольстясь,
Вас утверждать в презрении жестоком.

Вам не видна ли в том с Нарциссом связь:
Вы стынете бесцельно над потоком,
Соседством низким с травами смутясь.

XLVI. L'oro et le perle e i fior' vermigli e i bianchi

Жемчуг и золото, розы и лилеи,
Которым, будто бы, вредит зима:
Повсюду колют и нейдут с ума
Из сердца и из органов нежнее.

Мои мне дни – короче и влажнее:
Большая боль ведь не пройдет сама.
Но зеркала – вот подлинно чума:
Вы их в себя влюбляли не жалея.

Они заткнули рот моим глазам,
Которые вас за меня молили,
И те умолкли: вы ко мне остыли.

Но зеркала повсюду по водам,
Чьи омуты несут забвенью вам,
А мне – напоминанье о могиле.

XLVII. Io sentia dentr al cor già venir meno

Сердечных у меня не стало сил:
Ведь вы источник сил моих сердечных.
Но так как против смерти нет беспечных,
Но всякий жил бы, как бы он ни жил, –

Мной ране спутанный, порыв пустил
Я тропкою скитаний бесконечных,
Давно забвенной мною из-за вечных
Препятствий, кои сам нагородил.

Так я попал, себя сам презирая,
Пред ваши красны очи, коих взгляд
Чтоб их не злить – всегда бежать был рад.

Так смог я надыхаться, умирая,
И ожил вновь, откушав этот яд:
Умру – вдругорядь, от стыда сгорая.

XLVIII. Se mai foco per foco non si spense

Но коль огонь не тушится огнем,
Ни реки от дождя не иссякают,
Подобные подобным потекают
А к крайности мы с крайностию льнем, –

То как тут быть, Амур, с твоим добром:
Не наравне ль им души обладают?
Зачем у ней ее желанья тают,
Когда моих – не вычерпать ведром?

А может – так, как Нил, с высот спадая,
Всех оглушает грохотом воды
И слепнет око, солнце наблюдая, –

Так и любви чрезмерные труды
Ведут не к цели, втуне пропадая,
И лишний пыл нам путает ходы.

XLIX. Perch'io t'abbia guardato di menzogna

Тебя лелеял, холил, опекал
В саду моем от всяческой заразы,
Неблагодарный слог, но ты все разы
Не похвалу, но брань мне навлекал.

Ведь чем я боле помощи алкал
Твоей, чтоб замолил мои проказы,
Тем боле плел ты хладной несуразы,
Сводя на нет страстей моих накал.

А ты, слеза постылая, все ночи
Мне докучаешь, как с собой одним
Хочу побыть, мне разъедаю очи.

А вздохи с их надрывом записным:
Прерывистые, затяжные, прочи...
Вот вид мой – да! Хоть в гроб ложись с таким.

L. Ne la stagion che 'l ciel rapido inchina

Когда клонится небо долу
И отлетает прочь наш день
В страны, где ждут его, быть может, –
Одну средь чуждых деревень
Старушку Божью без приколу
Забота о ночлеге гложет...
Но ночь предложит
Ей скромный кров,
Картинки снов
Забвенье перед ней расправит
И в скуке жизни позабавит.
Со мной, увы, не так: меня
Ночь не избавит
От боли и доуки дня.

Когда слепящие колеса
Утопит солнышко во тьме
И тень холма огромной станет, –
Крестьянин с пользой на уме
Орудья соберет с откоса,
Пойдет ворча иль песнь затянет.
Жена сварганит
Ему кондей
Из желудей,
Которых мир не жрет, но славит.
Пусть бал свой всяк, как хочет, правит, –
Мне радости, скажу вам, нет:
Мне душу травит
И полночь полет планет.

Когда пастух уход наблюдет
Большой звезды в обитель нег
И тьмы приход от стран Востока, –
Он встал, взял бич, как человек,
Который вкривь и вкось не судит.
Вдали от городского скока
Сей сельский дока
Найдет шалаш,
И сон – палаш
Его немедля обезглавит.
В тот миг Амур себя мне явит,
Оружье даст, сведет туда,
Где след лукавит,
Но зверя нету и следа.

Когда в долине мореходы

Кидают кости на покой,
Прикрыв дерюгой ветки дрока, –
Я, тотчас уносим рекой,
В гишпанские вступаю воды,
И, меж Гранады и Марокко,
Мне колют око
Тотчас Столпы,
И храп толпы
Мой слух болезненно буравит.
И новый день меня отравит
Ужасной жаждой, что уста
Лет десять плавит:
Кто пить мне даст, ради Христа?

Когда б не рифмы – умер право!
Смотрю, как счастливы быки:
Они после работ – в распряжке, –
А мне – куда б избыть тоски?
Как справить поправное право?
Чем вымолят у слез поблажки
Глаза – бедняжки?
На кой же ляд
Пить было взгляд,
Что их без помощи оставит?
О, этот взгляд нас не оставит
Теперь ни силой, ни добром.
А смерть нам явит
Вдруг милость: покотив шаром!

Удел сей песни –
Жизнь коротать,
Певцу подстать:
Себя людским глазам не явит
И похвалы иной не справит –
А то по кочкам понесут.
Но гроб исправит
Ее горбатенький сосуд.

LI. Poco era ad appressarsi agli occhi miei

Скажи мне, Дафна, может быть, ты Феб? –
Твой яркий свет давно мне очи вяжет.
Пусть превратиться в лавр меня обяжет
Слепительная жительница неб.
Она ж, безжалостнейшая судеб,
И тут моей мне просьбы не уважит.
Иль – обернуться камнем мне подскажет
Весьма прочнейшим, нежели черствый хлеб?
Тогда б я стал алмаз иль мрамор белый
(С испуга), а быть может: сердолик,
Ценимый тоже чернью оголтелой.
И груз мой с плеч спихнул бы в тот же миг,
О, много больший, чем несет старик,
В Марокко от рутины очумелый.

LII. Non al suo amante piú Diana piacque

Не Актеон любовался Дианой,
Плескавшейся в зной рекой ледяною,
Сведенный с нею случайностью странной, –
Я стыл пред пастушкой грубой, простою,
В струях полоскавшей пестрое платье:
Мне Лавра локон сверкнул над волною,
Как солнце, снявшее с мрака заклятье, –
И в страсти холодной стал вдруг дрожать я.

LIII. Spirto gentil, che quelle membra reggi

Высокий дух, дворецкий тела,
В котором временно живешь
Как мудрый, славный управитель, –
Днесь римский скипетр ты возьмешь
Чтобы народ понудить в дело.
Традиции возобновитель,
Прими мой стих! Он грустный зритель
Исчезновенья древних слав:
Везде коррупция и татьбы,
Куда все так бегут – узнать бы,
Агонью близя средь забав.
Мы все – расплав
Из лет, бездарности и лени –
Так, за власы и на колени!

Я сомневаюсь, чтобы вскоре
Ты смог прервать их крепкий сон –
Отличников в холопства школе, –
Но без тебя ведь – дух наш вон,
Так и попрем дерьма в зашоре,
А лучше смерть в открытом поле
Ударь – пусть закричим от боли,
Пускай возненавидим грязь
И жизни гаденькой бездарность!
Прими заранее благодарность
Сих слез, я лью их, не таясь, –
К тебе, мой князь.
Дай нам великую свободу
Свободно зрить в глаза народу!

Стены, которых все трепещет
Поныне мир, чтя времена,
Которым, бают, нет возврата, –
Могилы, коим мысль верна,
Над коими листва лишь плещет,
Где спят столь славные когда-то, –
В забвенье – будь оно треклято:
Отсутствие памяти – порок!
Ну, где вы, Сцеволы, вы, Бруты?
О, сколь прозванья ваши круты
Для тех, кто вызубрил урок
Подляны впрок,
Кто стал весомей на порядок,
Когда страна пришла в упадок!

И коль заведуют земными

Делами вправду небеса,
Коль души мертвых к нам зывают, —
К тебе текут их голоса,
Чтоб не считал ты впредь своими
Всех тех, кто нас подозревают
И обирают, раздевают,
Твой замок превратив в притон,
Куда нет ходу добрым людям,
И нет суда неправым судьям,
Весьма безжалостным при том.
Очисти твой дом,
А есть нужда в нас — трубным гласом
Нас извести о том тогда сам!

В слезах жены и люди штатски:
И молодежь, и старики, —
Весьма порядком недовольны,
Равно: тонзуры, клобуки
И прочи... все к тебе по-братски
Зывают, в слове некрамольны,
И бедняки, что, подневольны,
Тебе несут свою всю боль,
Способную смягчить тигрицу, —
Взгляни же, князь мой, на столицу:
Бурлить ей и кипеть доколь
И нудить голь
На непродуманные действия?
Скорее отврати злодействия!

Стервятники и проча нечисть
Загадили опрятный Столп,
Чем и себе, и нам вредили, —
Об этом плачут сонмы толп:
Верни им то, за что, увечась,
Они горбались и стыли!
Чрез тыщу лет они в могиле
Сгниют — доколь им Царства ждать,
Что на заре помнилось века,
И над правами человека
На гуще кофия гадать?
Им сострадать
Не словом ты, но делом должен,
Коль ими властью одолжен.

Как часто помыслам высоким
Судьба-завистница вредит,
Мешая им осуществиться.
У власти став, не стань сердит,
Не будь к поверженным жестоким:

Пускай хоть тут она позлится!
Однако, коли вправду мнится,
То редко, чтоб из смертных кто
Был в столь высоком положении:
Ведь ты монарх, прости сближенье,
Но благороднее раз в сто, –
Учтя все то,
Что ты пасешь страну не смладу,
Но в старости блюдешь от смраду.

На холме, в центре, песнь, увидишь
Жреца, почтенного страной,
В заботе не о свойском благе.
Скажи: Меня предал бумаге
Заочно любящий вас бард.
Весь мой азарт
В том, что взываю к вам в усердьи
С семи холмов – о милосердьи.

LIV. Perch'al viso d'Amor portava insegna

Светом любви в ее взоре паломница
Тронула мукою сердце беспечное:
Мне эта мука навеки запомнится.

Следом ступил я на травы зеленые –
Слышу звучанье далекое встречное:
Даром в лесу тратишь время бессонное!

Сжался в комок я под буком, где глас настиг,
В мысли томительной даль озирающе,
Путь мой увидел я полным опасности, к
Дому пошел и вернулся средь дня еще.

LV. Quel foco ch'i' pensai che fosse spento

Тот огонь, который мнил погасшим
От ветров холодных и от лет в остуде, –
Все в душе пылает свечкою на блюде.

Искры не задуты: затаились
Под золой от взгляда, только вижу внове:
Вот опять исчезли, вот явились, –
И в глазах остывших слезы наготове.
Слезы, вас поймать хочу на честном слове:
Проводник печали прочь вы будьте! –
Но молить об этом – как о чуде.

Пламени какого б не залили воды –
Те, что ныне хлещут из очей унылых? –
Бог любви не прочит нам другой погоды.
Весь в противоречьях, сердцу милых,
Примирить желанья я не в силах:
И едва любое кануло в подспуде,
Как другое тотчас объявилось в люди.

LVI. Se col cieco desir che 'l cor distrugge

Когда от боли ум мой не ослеп
И верный счет часам им не утрачен,
То день сегодня был мне предназначен
Как срок награды высшей от судеб.

Но что там за обвал росток погреб,
Суливший плод, я думаю, удачен,
Кем это мой курятник окарачен,
И колоса зачем не емлет цеп?

Увы, не знаю! экое мошенство!
Ведь упованье славы мне всучил
Эрот – и жизнь мою лишил блаженства.

А некто, помню, в древности учил:
Не полагай достигнуть совершенства,
Покамест в Бозе ты не опочил.

LVII. Mie venture al venir son tarde et pigre

Мои везенья на ногу нескоры –
Грядущее темно, порыв велик:
Бросать невмочь, а ждать я не привык –
И тотчас расползаются как воры.

Увы, скорее рак ползет в горы,
Снег закипит иль море станет вмиг,
И солнце на Востоке спрячет лик,
И Тигр с Евфратом соединят заборы, –

Чем обрету я мир иль передых
Иль Лауру Любовь переиначит:
Две бабы стакнулись для дел худых.

Мой вкус сошел с ума: не фордыбачит –
И ложка меда в бочке бед моих,
Конечно, значит только то, что значит.

LVIII. La guancia che fu già piangendo stanca

Щеку, изборожденную слезой,
Скорее на, мой сударь, преклоните
И с тем взашей изменника гоните,
Что убелит виски вам сединой.

Затем свободной левою рукой
Прошедшим дням пути загородите
И от июлей – к январям идите:
Путь долог, лет запасец небольшой.

А из – вы пейте соки трав целебных,
Что гонят, прослабляя, боль души –
Горьки, но свойств исполнены волшебных.

А за меня – молитесь от души:
Да убегу вод Стикса непотребных, –
Когда мои мольбы нехороши!

LIX. Perché quel che mi trasse ad amar prima

Пусть тот, кто меня в эти сети завлек,
За них меня судит, –
А только желанье во мне не избудет.

Попался я в петли волос золотых
По воле Эроса,
И стрелкой холодной из глаз ледяных
Пронзил меня кто-то, –
И новая сердцу явилась забота,
А прежней не будет
Ему до поры, пока прочь не отбудет.

Но милый мне вид белокурых кудрей
Платком опечатан,
А пламень невинный прекрасных очей
При встречах – запрятан.

Солдат, и горами крутыми укатан,
В чести не оскудет:
Его от присяги и смерть не отнудит.

LX. L'arbor gentil che forte amai molt'anni

Любезный ствол, люблю вас много лет,
И ваши ветки внемлют благосклонно
Цветам воображенья и резона,
В которые мой хилый ум раздет.

Как вдруг вы поняли, что вам на след
Держаться к нам все дружеского тона:
Не обессудьте – и моя канцона
Отныне не пеан, собранье бед.

Но что же скажет ученик мой бедный,
Когда поймет он из моих стихов,
Что пыл любви – болезненный иль вредный?

Будь он пиит, будь деятель верхов –
Клянусь, что он не сносит потрохов
В сем разе, ни головушки победной!

LXI. Benedetto sia 'l giorno, e 'l mese, et l'anno

Благословен тот светлый скол времен
И та страна, та местность незабвенна,
Где ясных глаз не избежал я плена,
Где милой девой был я взят в полон.

Я сладкой ревностью бывал смущен –
Пребудет и она благословенна,
Любви стрела и счастья перемена,
И боль, которой я не обделен.

И вы благословенны, слезы боли
И вздохи, и стенанья без числа,
Вы, знаки самой сладостной неволи.

И ты, строка, что деву вознесла
Над миром звезд в сияющем престоле –
Владычицей тоски и ремесла.

LXII. Padre del ciel, dopo i perduti giorni

Царю небесный, после стольких суток,
Растраченных в мечтаниях пустых
С томленьем вящим в органах моих
К той, коей красота мутит рассудок, –

Благослови, да буду боле чуток
К путям иным, к делам для нужд благих,
А сеть соблазнов, сердцу дорогих,
Да отжену, сколь мне разрыв ни жуток.

Знай, Господи, одиннадцатый год
Под бременем тяжким я изнемогаю,
И труд великий что ни день растет.

Не по заслугам я перемогаю.
Ты, что приидешь в Царствие вот-вот,
Смотри: мой грех к Твоим стопам – слагаю.

LXIII. Volgendo gli occhi al mio novo colore

Заметив странный цвет моих ланит,
Напомнивший кому-то колер трупа,
Вы, сжалясь, мне кивнули, чем нескупо
Мне отпустили жизненный лимит.

Итак, беглянка-жизнь опять со мною,
Нескудный дар прекрасных ваших глаз
И нежно-серафического гласа:
По ним я место узнаю и час,
Как мул ленивый чувствует спиною –
Откуда ожидать ему атаса.

Ключи от сердца для любого часа
В руке у вас – и я безмерно рад
При ветре плытьлюбом: и в дождь, и в град, –
Любая вещь от вас меня живит.

LXIV. Se voi poteste per turbati segni

Когда б вы, о презренье заявив,
Потупясь, гордо голову закинув,
Удрав, укостыляв, уползши, сгинув,
Гримасками зевот передавив,

Кунштюков ли других нагородив, –
Ушли б из сердца, грудь мою покинув,
Где первобытный лавр, красы раскинув,
Стоит, – я оценил бы ваш порыв.

Зане влаголюбивое растение
Из грядки, где растут одни волчцы
Всего охотней отдает концы;

Се вам претит судьбы хитросплетенье, –
Совет: берите чаще под уздцы
Негодование глаз и чувств смятенье.

LXV. Lasso, che mal accorto fui da prima

Я как-то так не сразу осознал,
Не в день, когда Амуром стал подранен,
Что ум мой поглощен и отуманен,
Что прежней жизни – амба и финал.

Имея силу духа, полагал,
Что с твердым сердцем – вовсе нерасстанен,
А с честью слит, как с бороздой крестьянин, –
Но здесь меня удар подстерегал.

Теперь, когда менять что-либо поздно,
Хочу узнать, смеется ли Амур
Над просьбами – иль слушает серьезно.

Моя – не в том, чтоб снят с меня зачур
Мой был: уж это было б чересчур!
Но – чтоб и ей мой плач отлился слезно.

LXVI. L'aere gravato, et l'importuna nebbia

Тяжелый воздух, духота, туман,
В долину сжатый злобными ветрами,
Подчас в свирепый обратятся дождь, –
А там, глядишь, остекленели реки
И вдруг оделись травы по долинам
В момент снегами инеем и льдом.

Так это сердце ныне подо льдом,
А мысли в нем клубятся, как туман,
Идущий так к лицу речным долинам,
Замкнутым от влюбленных ветерков,
Когда в болота обратились реки,
А с неба без конца сочится дождь.

Проходит быстро грандиозный дождь,
И лето расправляется со льдом,
Вздувающим весной безмерно реки.
Какой завесит небеса туман,
Не расточимый ярыми ветрами
Тотчас же по горам и по долинам?

Не для меня весна цветет в долинах:
Я слезы лью что в ведро, то и в дождь,
Под тихими и жуткими ветрами:
Расстанься ведь любимая со льдом
Внутри, и не скрывай ее туман
Извне – тотчас дотла иссохнут реки.

Пока еще впадают в море реки
И зверь таится по лесным долинам, –
Прекрасный взгляд ее таит туман,
Из сердца льющий постоянный дождь, –
Ее же сердце стынет подо льдом,
Шутя с моими вздохами-ветрами.

Придется побрататься мне с ветрами
Во имя одного: ты нареки
Тот ветер Аурой – в родстве со льдом
Он веет – и в миру по всем долинам
Его я пел, меж тем как Лавр пил дождь
И звонкий лист его крошил туман.

О, ни туман так не гоним ветрами,
Ни реки с ложа так не нудит дождь,
Как солнце льды сгоняет по долинам!

LXVII. Del mar Tirreno a la sinistra riva

На мрачном берегу тирренских вод,
Где сломанные волны плачут пеной,
Я тотчас же увидел лавр надменный,
Мной петый дни и ночи напролет.

В душе немедля закипел Эрот
От вида вашей гривы незабвенной, –
Я ж сверзился в травую прикровенный
Ручей, что, оказалось, там течет.

Неловкость эту лишь холмы и рощи,
Я знаю, видели, но экий срам! –
Взвился я вон, как кур, попавший во щи.
А мокрота от глаз – пошла к ногам:

Всегда б так по страстным по четвергам!
Но встречи стиль понравился: так проще!

LXVIII. L'aspetto sacro de la terra vostra

Священный облик милой вам земли
Наполнил ум мой прежнею тоскою:
Куда ты так спешишь, Господь с тобою?
Дорога к небу – твоя вдали!

Но тут другие мысли в ум вошли:
Куда это ты прочь потек стопою?
Припомни-ка, уж час не за горою,
Когда б вы с ней увидеться могли.

Прислушаюсь я к голосу второму –
И сердце сразу падает в груди,
Как у того, кто в страхе внемлет грому.

Но вскоре, слышу, тот, что впереди,
Кричит: Беги, иначе быть сорому! –
А несогласный молвит: Погоди!

LXIX. Ben sapeva io che natural consiglio

Известно мне, что смысл, сколь он ни здрав,
Амура супротив – гроша не стоит:
Такую каверзу ему подстроит
Амур, что здравый смысл не выйдет прав.

Сегодня бога непутевый нрав
Меня в открытом море беспокоит,
Где солевой раствор Тоскану моет
Меж кринов Франции и Эльбских трав.

Я удирал, ничтожный, незаметный,
Среди ветров и неба, и воды,
Как просто некий странник неконкретный.

Вдруг разом в бездну ухнули труды:
Он тут как тут был с силою несметной –
Что толку было бегать от беды?!

LXX. Lasso me, che non so in qual parte pieghi

Бедный, бедный я! Куда
Мне податься? Всюду гонят.
Если я никем не понят,
То к кому молить тогда?
Да, но вдруг моя беда
И кручина
Излечима –
Пусть неведомо когда? –
Чтоб любой отметил вчуже:
– *Счастлив я, ведь вот пою же!*

Вправду, иногда пою –
Если рад, но чаще – плачу:
Как со смехом законтачу
Сразу вдруг тоску мою?
Будет песнь моя в струю
Милой донне –
Счастья в лоне
Радости не утаю,
Но вскричу, как прыгну в воду:
– *Ей пишу стихи в угоду!*

Мысли смелые! Куда
Упованье вас заносит!
Да она кольчугу носит:
Не пробиться к ней туда,
И не взглянет к нам сюда:
Что стихи ей –
Пред стихией
Беспредельного стыда?
Ей, усталый, молвлю кротко:
– *Вам нужна не речь, а плетка!*

Что я? Где я? Что за речь?
Вижу: перебрал я все же, –
Семь планет, великий Боже,
Не смогли предостеречь!
Не планидам нас обречь
На мученья,
Огорченья:
Плоть – вот подлинная печь.
Душу делают болезной
– *Мильй вид и взгляд любезный!*

Все, чем славен Божий свет, –
Дело Божьих рук и чудо.

Что ж мне в свете этом худо
И во вне исхода нет?!
Все ищу напасть на след
Той напасти,
В чьей я власти,
Хоть не в ней источник бед,
Ибо нет в ней зла, по чести...
– *В сердце зло – с кукушкой вместе!*

LXXI. Perché la vita è breve

Ибо бег жизни короток,
Трепетен ум пред задачей высокой, –
Жизни ль верить, уму – я не стану.
Боже, моей темноокой
Внятным огонь сотвори мой некроток:
Только о нем возглашать не устану, –
В ясных очах ее строчкой предстану –
Бедной, простою извилиной слога,
Вызванной к жизни желаньем великим.
Будь от рождения диким,
Всякий бы стал благородней немного,
Славя предмет необычный, –
Им же открыта к вершинам дорога, –
Там, в вышине, и скажу о мистичной
Страсти, когда-то считавшейся личной.

Не потому, чтоб не смыслил,
Сколь похвалы мои вам в умаленье, –
Но не могу противляться порыву,
Выросшему во мгновенье
Встречи, когда ум мой вас не расчислил.
Впрочем, и речь, и дыхание к срыву
Станут близки, только дашься ты диву.
Диво же вы, что ж другим мои пени?
В ваших лучах вешним снегом истаю.
Милый ваш гнев навлекаю
И становлюсь вдруг ничтожнее тени, –
Каб не во мне эта робость –
Что предпринять мне? Вам рухнуть в колени?
Счастлив лететь в ваши очи, как в пропасть.
Смерть мне без них, ну а в них мне – добро пасть!

Так не затем не кончаюсь,
Хрупкая штука, в огне настоящем,
Что обладаю какой-либо властью, –
Страхом томлюсь, леденящим
Жилы мои, стерегусь; ужасаюсь
Сердцем моим, переполненным страстью.
Вы, что ваш слух преклонили несчастью, –
Холмы и доли, дубравы и воды, –
Вспомните, сколько, в жестокой печали
Гибель уста призывали!
Нудна оседлость и тщетны исходы!
Если б не жуть преступленья,
Я б как-нибудь приобщился методы,
Вмиг изводящей из бездны томленья,

Впрочем, не вырвав слезы сожаленья!

Боль, до чего довела ты:
Сбила с пути, повелела заплакать, –
Ин, побреду уж дорогой веселья!
Экая мне одинакоть:
Глаз густота, пусть там света палаты,
Пусть там Амуром расставлены зелья, –
Сам я снаружи, как будто с похмелья,
Всеми цветами расписан Амуром, –
Ну, а внутри я каков – вам не видно:
Мой узурпатор солидно
Тут водворен вашим нежным прищуром,
Славные чудо-зеницы!
Вы и знакомы с огнем вашим смуром:
В чуждых очах уловив вереницы
Отблесков – пляски далекой зарницы.

Будь вам немного известна
Невероятная, дивная прелесть
Ваша, о чем вам, как умным, толкую, –
О, как бы вы загляделись
Сами в себя, что уже несовместно
С вами, явившими силу такую:
Дивную душу чрез вас я смакую,
Горние звезды, ведь вы примирили
С жизнью меня, мне отнюдь не отрадной, –
Что же свой взор ненаглядный
Редко дарите мне, как и дарили?
Разве не следует чаще
Видеть страдальца, чей мир вы смутили?
Что ж на меня вы глядите пропаще,
Зная, что вид ваш мне счастья слаще?

Время от времени чую
(О милосердь!) в душе пробужденной
Странную, столь необычную сладость,
Что всякий груз потаенный
Дум неотвязных тотчас искорчю:
Образ ваш явит душе моей радость, –
В этом какой-то избыток отрад есть, –
Каб состоянье толику продлилось,
Не было б с этим сравнимого блага.
Я б возгордился, бедняга,
Вызвала б зависть подобная милость.
Впрочем, за крайностью – крайность
Следует: плачем улыбка сменилась,
И, обрывая блаженства случайность,
Я возвращаюсь мой жребий потай несть.

Помыслы страсти сокрытой
Так обнажает во мне появленье
Ваше, что радостей прочих не числю:
Слово, а то и творенье
Явится вдруг, и бессмертным пиитой
В образе смертном себя вдруг помыслю,
Скукой, тоской сердце больше не кислю,
А возвращаются – только уйдете,
Все ж в вас влюбленная память отврат им
Даст, двум бандиткам завзятым,
Так, что и не преуспеют в комплоте.
Если же плод во мне зреет, –
Семячко ваше возшло в этой плоти:
Почва бесплодной во мне каменеет,
Если от вас мне дыханьем не веет.

Песенка, ты не смиряешь мне жара
В пользу прекрасной, томящей жестоко!
Впрочем, не думай, что ты одинока!

LXXII. Gentil mia donna, i' veggio

Я вижу, любезный мой друг,
В зеницах живых ваших сладостный свет,
Зовущий меня за собой в небеса;
Им в долгие зимы согрет,
С Амуром, сидящим со мною сам-друг,
Гадал я, в чем вашего сердца краса.
Будь добрым и мудрым, не праздной труса,
Преследуй одну благодатную цель, –
Сказал я себе, – а плебейства беги!
Ни радости и ни туги
Таких человеческой речи досель
Поверить другим не пришлось:
Октябрь на дворе или вовсе апрель, –
Огонь этих глаз прожигает насквозь,
Как в прежни поры нам познать привелось.

Я мыслю: коль в горних мирах,
Откуда предвечным движителем звезд
Был спущен на землю работ образец,
Немало подобных невест, –
Пусть рухнет тюрьма, в чьих томлюсь я стенах,
Мешающих видеть и длань, и резец!
И в ум мне приходит война двух сердец,
И я благодарен природе и дню,
Зачавшим меня, чтоб я видел добро,
И ей, мне прижегшей тавро
Надежды высокой: ведь гнил на корню
И сам себе стыл и мерзел.
Отсель уваженье к себе сохраняю
И думы направлю в высокий предел,
Откуда огонь ее глаз мне слетел.

Ни россыпи радостных дней,
Ни жизни вальяжной средь ласок и нег,
Ни тесной единности любящих душ –
Не надо: но дрожи двух век,
Но искоса взгляда, откуда мне свей
Исходит покоя, как дождика душ,
Как влага корням и как искорка в сушь,
Дарящая жизни острейший сполох,
Сжигающий вмиг, пепеляющий дотла, –
Он свет, а другое все – мгла.
Бежит этих глаз всякий сглаз, всякий чох,
И так же из сердца бежит,
Почуяв блаженства неслыханный вздох,
Любое другое, – будь образ иль вид, –

И только Любовь в нем с Любимой царит.

Ничто все блаженство любви
В сердцах всех галантных влюбленных – веков
Во веки – в сравненье лишь с тем, что терплю
Я в миг, когда темных зрачков
Сверкнет влажный огонь, сея вихри в крови,
И страсть-саламандру я в нем уловлю, –
И вряд ли признанием вас удивлю:
В моей бесталанности, то от небес
Ничтожному послан спасения знак.
И лика не скрыть вам никак
Ни шлыком, ни стройной ладонью, ни без, –
Не следует строить препон
Меж вами и глазом: там вечный порез,
Точащий желанье из внутренних зон,
Которым изменчивый вид ваш – закон.

И вижу тотчас: ни к чему,
Увы, мне природный мой дар, – ваших глаз
Мне взор не поможет вернуть он, и тщусь
Стать ближе, хотя бы на час,
Призванью томительному моему:
Тот огонь осветляя, в котором мечусь, –
Богатств не ищу и конца не взыщусь;
Мирскую во мне одолят пустоту
Прилежные штудии вдруг, а вовне –
Коснется ль вас слух обо мне?
Презренья притупит ли он остроту?
Стенаньям положит предел
Взгляд глаз ваших, жду я к себе их чету,
Трепещущих, тихих, какими б хотел
Узнать их ваш рыцарь, чей скорбен удел.

У песенки этой сестра впереди,
А следом – другая сестра подойдет,
Так надобно сани готовить вперед.

LXXIII. Poi che per mio destino

Коль судьбы моей силою
Должен я огласить вождение,
Принуждавшее грудь к воздыханию, –
Дай, Амур, направление,
Проводник стань дорогой развилкою,
Согласуй мои рифмы желанию, –
Но не с тем, чтобы сердце заклятию
Обрекать под мучительной нежностью,
Скрытой ране печатью сердечною:
Песня ноткою встречною
Не покончит порой с безнадежностью,
А напротив – случается,
Что огонь вдруг раздует с прилежностью,
И, как лед от лучей истончается,
Сердце, песни поя, все серчается.

Поначалу мне мыслилось,
Что найду, повествуя о пламени,
Передышку, хотя бы и краткую, –
Та надежда вела меня
К рассуждению о том, что мне в мысль лилось,
Чтоб покинуть сегодня украдкою.
Я ж остался, склонясь над тетрадкою,
И не бросил служить смыслу вышнему:
Где ж неволе сравниться с охотою!
Ум уволил я нотою:
Дал расчет ему, третьему-лишнему, –
И к Амуру: Поверь-де, я
Не любви взыщу – пусть он в тишь нему
Милых глаз заронит плод усердия,
Испросив в них ко мне милосердия!

Коли люди античности,
Говорю я, не стыли в ничтожестве,
Но ничтожная горстка их славою
Прогремела во множестве,
Дух из тьмы возродив к единичности,
К битвам с пошлостью многоглавою, –
Бог, Природа, Амур – силой правую
Совершенный залог добродетели
Дали в ней нам, а мне – радость жречества!
Перемены отечества
Я не жажду: вы, очи, свидетели.
Вы одни мне и родина,
И любого здоровья радетели:
Помощь ваша – всех сил на исходе, на

Грани смерти – никем не превзойдена.

И как лоцман пред бурей
Поднимает усталую голову
К двум огням – знакам нашего полюса, –
Точно так-то на польву
Злобной страсти ищу мгу лазурию
Черных звезд: ими тешусь, неволюся!
Жаль моя: от их света, их голоса
Больше смею украсть, чем в них вложено, –
Да и Амур мне тотчас скажет: Что ж это?
Что мной сделано, прожито –
Только ими и было заложено,
Той минутой великою,
Когда сердце осталось встревожено:
С ними горе и счастье мыкаю,
Мысль вне их почитая за дикую.

Я не вижу возможности
Ни сказать, ни представить последствия,
Что ношу за зеницами ясными:
Прочи страсти иль бедствия
Этой жизни все – малые сложности,
Прочих прелести чту я ужасными.
Что сравнить с их лучами бесстрастными,
С их улыбкой, в себя лишь влюбленную?
Только, может быть, небо спокойное.
О, мечта недостойная:
Подглядеть в них любовь беззаконную –
День один бы – да досыта,
Кануть в них, точно в вечность бездонную,
О других, о себе ль – и вопроса-то...
И хоть сыро в глазах – да светло зато!

Вот желание праздное,
Не изжитое жизненным опытом
Вне надежд, во любовном томлении!
О, смоги я хоть шепотом
На глазах ея, труса отпразднуя,
С языка скинуть узы и лени, и
Горечи! И, для себя в удивлении,
В лицо молвить слова необычные,
Чтоб их слышали кто – стоя плакали!
Но – и стыд мне глаза коли –
В колеи обращаюсь привычные,
И уста, помертвелые
И позабывшие речи зычные,
Говорят, что и шага не сделаю, –
Ранен в сердце стрелою дебелою.

Песенка, вот уж стило утомилося
Долгим и сладким повествованием...
Так бы и мысль – с ее переживанием!

LXXIV. Io son già stanco di pensar sí come

Устал я думать всякий раз о том,
Зачем о вас я думать не устану,
Зачем, вообще, дышать не перестану
Чтоб не вздыхать все время об одном,

Зачем, толкуя о власах с лицом,
О зраке вашем, – всякого достану,
Как мне не надоест кричать осанну
Кромешной ночью вам и белым днем!

Откуда столько сил у ног берется,
Чтоб всюду вашим следовать стопам,
И как чутье с дороги не собьется?

И как при этом счет вести стопам?
Так, коль в стихи неточность закрадется,
То за нее вину вменяю вам.

LXXV. I begli occhi ond'ï' fui percosso in guisa

Я ранен скальпелем прекрасных глаз,
Которые одни залечат рану:
К врачебному искусству иль обману
Я не прибегну ни единый раз.

Другой любви не надо ни на час:
Как быть в душе не одному изъяну?
И если я, о ней толкуя, вяну,
Виновны: не она, но мой рассказ.

Прекрасные глаза Амуру столько
Могли бы славных принести побед,
Но он в упор разит меня – и только.

Прекрасные глаза, их яркий свет
Мне сердце пепелит, и я нисколько
От этого не устаю, о нет!

LXXVI. Amor con sue promesse lusingando

Амур, прельстив меня своим посулом,
Низверг в отличный каменный мешок,
Где милый враг мой – двери на замок,
Где сам я у себя под караулом.

Увы, я осознал умишком шулым
Не сразу сей предательский подлог, –
И вот теперь (хоть – кто б поклясться мог!)
Наружу лезу по кирпичным скулам.

Как преисподни подлинный беглец,
Я за собой тащу мои колодки,
В глазах – страданье и на лбу – кровец.

Когда явлюсь в твоём я околотке,
Ты скажешь вслух: Да ты и не жилец –
Ты что, недавно помер от чахотки?

LXXVII. Per mirar Policeto a prova fiso

Сколь ни кроши свой мрамор Поликлет
С другими, кто в искусстве искушенны, –
Черты ея, столь дивно совершенны,
Они не явят и за тыщу лет.

Но у тебя, Симон, был в рай билет,
И там твою модель ты без подмены
Смог изваять из пурпура и съены,
Явив глазам прекраснейшую Лед.

Сеанс подобный, думаю, возможен
Лишь на небе, никак не среди нас,
Где плоть стремится вид придать ей ложен.

И чудо: твой художнический глаз
И огонь, и холод созерцал бездрожен,
И смертное презрел его экстаз.

LXXVIII. Quando giunse a Simon l'alto concetto

Симон, когда тебе пришло на ум
От имени меня за кисть схватиться, –
Чего б тебе не дать ей ухитриться
При красоте такой и речь, и ум,

Чтоб мне вздыхать по ней не наобум:
Другим на то плевать, ведь мне казниться –
Но смотрит кротенько твоя юница,
По виду скажешь: не поднимет шум.

И коль я говорю ей пару слов
И внемлет мне без видимого гнева –
Чего б ей не болтнуть мне пустяков?

Пигмалиона мраморная дева
Любила тыщу раз, а я готов
Любить и раз любезное мне древо.

LXXIX. S'al principio risponde il fine e 'l mezzo

Ужли и середина, и конец
У лета будут как его начало?
За все тринадцать так не омрачала
Она мне дни мои, теперь – конец.

Амур, скорее мне страви конец:
Я перепил воды возле причала,
Меня заколебало, укачало –
Кинь вервь, где из воды торчит конец.

В плавучести теряя что ни сутки,
Я в ней моими мыслями тону,
В моей погибели, пред очи чутки.

В чем держится душа, но я тяну.
Вот на меня, поднявшись из закрутки,
Садится смерть – и я иду ко дну.

LXXX. Chi è fermato di menar sua vita

Кто обрек себя на жизнь
Промеж волн, между утесов,
Смерти ищущий в дубке,
Близком, видно, к потопленью, –
Пусть скорей спешит он в гавань,
Коли есть к рулю ветрило!

Ауре руль и ветрило
Я отдал, вступая в жизнь,
Уповая встретить гавань,
Но застрял среди утесов,
А причина к потопленью –
Не в волнении, а в дубке.

Заперт наглухо в дубке,
Плыл, забыв глядеть ветрило,
Прямо в лапы потопленью.
Но потом Кто дал мне жизнь,
Передумав, снял с утесов.
С тем забрежжила мне гавань.

Ни одна не брежжит гавань:
В море глухо, как в дубке,
Что сидит в зубах утесов!
Но с раздутого ветрила
Вижу брег: иную жизнь –
И взываю к потопленью.

Не из тяги к потопленью –
Но чтоб просто видеть гавань,
Обрывающую жизнь!
Но мне вид: сижу в дубке,
Донельзя полны ветрила
Ветра – в сторону утесов.

Коль живым уйду с утесов
И изгнанию-потопленью
Вдруг натянет нос ветрило,
Чтоб мне кинуть якорь в гавань,
Притушив огонь в дубке –
Я б такую принял жизнь!

Давший потопленью жизнь,
Мне, в дубке среди утесов,
В гавань прежде вдуи ветрило!

LXXXI. Io son sí stanco sotto 'l fascio antico

Я так устал под заскорузлым грузом
Моей порочности, моей вины, –
Что стать боюсь добычей сатаны,
Предавшись снова ненавистным узам.

Когда-то мне польстил своим союзом
Дух запредельный, борствуя за ны, –
Но кинул мя для горнея страны:
Мой взгляд его не ловит, ходит юзом.

Но глас его поныне все в ушах:
Убогие, вот лоно благодати,
Придите, коли сила есть в ногах!

Да кто ж тепла мне столько сможет дати,
Чтоб стал я аки голубь во перах –
Чтоб от тщеты земной мне воскрылати?

LXXXII. Io non fu' d'amar voi lassato unquanco

Я вас не разлюбил, любезный друг,
И век не разлюблю, извольте видеть, —
Но как себя устал я ненавидеть!
Как надоело жаловаться вслух!

Хочу гробницу белую вокруг,
И над — прозвание той, кому обидеть
Меня легко — во мраморе откнидеть:
Я там наедине с собой сам-друг.

Но если сердце, полное любви,
Еще вам дорого не для издевок —
При нем вы прячьте коготки свои.

Пусть сплин ваш ждет других командировок,
Пусть гнев ваш дальние ведет бои, —
Простив меня за все, в чем был неловок.

LXXXIII. Se bianche non son prima ambe le tempie

Пока не стали белыми виски
И прошлое не стало настоящим, –
Я буду кланяться стрелам свистящим
Амура, кои на помин легки.

От них теперь не жду какой тоски
Иль тщи, откуда исхода не обрящем:
Проклятая стрела с жужжаньем вящим
Мне только что царапает соски.

Глаза теперь не плачут, хоть убей их,
Но в них слезы пока еще стоят,
Поднаторелые в своих затеях.

И чувства – греются, а не горят,
И сплю иль нет – в оказиях обеих
Сна роковые девы не смутят.

LXXXIV. Occhi piangete: accompagnate il core

– Глаза, настало время плакать вам:
Чрез вас погибель наша вторглась в сердце.

– Ах, нет, мы в этом только страстотерпцы,
К тому ж, мы плачем, как подстать глазам!

– Нет, уверяю вас, Амур бы к нам
Не смог попасть, не распахни вы дверцы.

– Ах, да, но с сердцем мы – единоверцы,
Так вот и наказанье б пополам!

– Ну, нет, позиции ваши как-то хилы:
Вы составляли первый эшелон, –
На вас пришелся натиск вражей силы.

– Вот так всегда: у сильных свой закон,
Поди-ка докажи им свой резон,
А слабые – неправы и унылы.

LXXXV. Io amai sempre, et amo forte anchora

Любил всегда и все еще люблю,
И с каждым днем готов любить сильнее
Тот угол, где печаль мою развею,
Едва я от любви перетерплю,

Себя я там тотчас развеселю
И все земное от души отвею,
Но более – пред ней благоговею,
Которой мысленно прийти велю.

И вот она проходит предо мною –
Так благостна, так дивно хороша,
Что вот уж сердце вновь болит тоскою.

Изъявлена, истерзана душа:
Не знай надежды я за высотой –
В моем углу я пал бы не дыша.

LXXXVI. Io avrò sempre in odio la fenestra

О, как мне ненавистна эта щель,
Откуда бог в меня стрелами лупит:
Меня он ими, видите ль, не губит, –
Но мне хотелось бы уйти отсель.

Земная жизнь – тюрьма, а не отель:
Тут тысяча недугов вас острупит, –
И жаль бессмертную, когда наступит
На горло ей влеченья дикий хмель.

Несчастливая, ей знать бы не мешало –
Из опыта, изрядного уже,
Что время мчит к концу нас от начала.

Уж сколько раз я баял ей, душе:
Пшла, жалкая, нам уходить пристало,
Пока в довольстве мы, а не в парше!

LXXXVII. Sì tosto come aven che l'arco scocchi

Как добрый лучник в миг, когда стрела
Уходит с тетивы, наверно скажет:
В цель попадет она или промажет –
Нормально или нет она пошла, –

Так, милая, и ваших глаз дела
Ясны вам ране, чем меня повяжет
Сердечная истома и обяжет
Стенать от причиненного мне зла.

Я чаю, будто голос ваш мне прочит:
Вдыхатель бедный! Будь готов, ибо...
Ну, эта вот стрела тебя замочит!

Но ведь и сей добить меня слабо, –
Как вы уж поняли, и вам любо
Зреть жертву, что не мрет, а кровоточит.

LXXXVIII. Poi che mia speme è lunga a venir troppo

Искусство близить чаемое – длинно,
А жизнь, как говорится, коротка:
Каб во-время учсть мне пустяка,
Давно бежал бы прочь – и незаминно.

И вот бегу, застенчиво и винно:
Мешают бечь побитые бока, –
Но сам в себе уверенный пока,
Лицо в крови: любовь тому причина.

И встречным вам урок преподаю:
Влюбленные, сторайте, но не слишком,
Не стойте в центре, будьте на краю.

Как ныне я, раскинувший умишком,
Живой один из тысячи стою –
Близ этой, бравой, с колотым сердчишком.

LXXXIX. Fuggendo la pregione ove Amor m'ebbe

Сударыни, мешок оставив тесный,
Где издевался надо мной Эрот,
Счастлив я стал или наоборот, –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.